

«СВОЙ ЧУЖОЙ»: КОНЦЕПТ РУССКОЙ ВЛАСТИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Моя концепция русской власти включает общую, особенную и специальную части. Вначале я формулирую исходные понятия анализа. Затем использую их для поиска правил и закономерностей генезиса и функционирования русской власти. Эмпирическим материалом служат главные события истории России от Киевской Руси до 1917 г. При этом я подвергаю систематической критике официальную версию советской историографии¹, опираясь на труды Кембриджской школы экономической истории. В третьей части применяю полученные выводы для анализа процесса и результатов революций 1917 г. в России. В данной статье в сжатом виде излагаются основные пункты моей книги². Это необходимо для изложения моей позиции в дискуссии на тему «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов?»

1. Главные проблемы и понятия исследования

При описании русской власти я анализирую следующие методологические проблемы: соотношение социальных и политических ценностей; политический язык, культ государства и социального порядка; политическое отчуждение; кумуляция господства на протяжении истории Московского царства, Российской империи и СССР. Рассмотрю их последовательно.

1.1. *Соотношение социальных и политических ценностей.* При описании социального бытия невозможно исключить влияние ценностей. Они затрудняют проведение строгого различия между философской рефлексией и мифологизацией. Большинство вариантов философии истории не определяют эту границу, постулируя взамен связь индивидов со становлением и развитием государств. На деле эта связь всегда дискуссионна. Государства не являются носителем социального порядка, а действия государственных мужей и аппарата управления государством не воплощают смысл истории. Любая философия ис-

¹ См.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. Б.А.Рыбакова. М., 1983

² См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, изд.СКНЦ ВШ, 1998

тории – это разновидность нормативно-ценностного порядка, прилагаемого к историческому процессу. Разные варианты философии истории обычно состоят из мифологических утверждений, которые не удовлетворяют критериям истинности и лжи, но используются для аксиологической квалификации социальных (исторических, политических) фактов. Все разновидности философии истории, которые пытаются учитывать «уровень развития» индивидов, социальных групп, этносов, наций и пр., есть модификации политической мифологии. Понятия свободы, прогресса, порядка, равенства, рациональности и т.д. обычно используются как мифические конструкции при отражении и попытках изменения пространственно-временных определенностей. Поэтому философско-политическое обоснование любых действий любых государств в большинстве случаев есть произвольный отбор одних и исключение других параметров социальной жизни, исторического процесса, политической ситуации и т.п.

Существует множество вариантов мифологизации социально-исторической реальности. Все классические идеологии Нового времени (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм) содержат мифические утверждения, которые ведут к противоположным следствиям в теории и на практике. Я считаю, что политическая теория может строиться на основе анализа мифических (ошибочных) утверждений всех идеологий, а не одной из них³. Однако весь массив социогуманитарных знаний последних трехсот лет и вытекающие из него проекты социально-политического переустройства базируются на опережении оценки над познанием. С этой точки зрения различия идеологий несущественны. Все они превращали отдельные параметры социального развития в критерии сравнения обществ и стран. На этой основе невозможно построить теорию исторического процесса. Общая ошибка всех идеологий – отсутствие строгого различия фактов и теории. То же самое относится к концепциям «*тоталитаризма*», «*модернизации*», «*открытого общества*» и т.п. Все они теоретически бесплодны, поскольку любая социально-политическая ценность может быть доказана теориями, которые базируются на противоположных посылах.

Теория политических объектов и типов политического мышления предполагает синтез концепций рациональности, философии науки и философии языка. Такого синтеза в современной науке пока нет. Значит, ни одна идеология не может считаться образцом для подражания и практического воплощения. Дело в том, что: в большинстве исторических текстов при описании исторического процесса не проводится различие имен и дескрипций; все идеологии при описании природы политического воображения тоже не проводят различие имен и дескрипций; возникшие на основе такого воображения проекты политического управления и переустройства общества ложны или к ним неприменимы классические и релятивистские критерии истины и лжи; вытекающие из этих проектов

³ Например, аксиологические основания либерализма и этатизма едины, но различаются акцентами на индивидуальную или групповую свободу. Либерализм не разработал теории *человеческой природы*, которая сопоставляется с фактами, модифицируется, уточняется или отбрасывается из-за невозможности их объяснить.

теории пренебрегают проблемой адекватного описания социополитического мира; грамматики, в которых используется предикат бытия в отношении социально-политических объектов (в классическом смысле слова) укрепляют политические мифологии и идеологии; писаная история культуры снимает различие актуального и потенциального бытия.

1.2. Вытекающие отсюда следствия я иллюстрирую на примере *соотношения политического языка, культа государства и социального порядка*. Политический язык отличается следующими свойствами: скрытая аксиология; перемещение смысла политических текстов в сферу непроверяемости; оперирование смыслами, которые ложны или выходят за рамки критериев истины и лжи; рост агрессивности по мере использования СМИ; привлечение теоретических моделей для маскировки этой агрессивности. С учетом этих свойств политические факты всегда дискуссионны или ложны.

В современной методологии существуют нормативно-элиминационная и конструктивно-генетическая концепции факта. Обе позволяют эксплицировать универсалистские концепции политики, государства и власти и типологически их локализовать в зависимости от эмпирического содержания, влияющего на процедуру выбора. Методологическое пространство процедуры задается возможностью полной редукции политических фактов к языковым системам при нормативности последних или отождествлением политических фактов с теми аспектами человеческого опыта, сознания и бытия, которые не поддаются строгому определению.

Если согласиться с первой возможностью, то государственные деятели и политики всех времен и народов были *«идеальными логиками»*, а свойства политического языка являются нормой научного исследования. Первое следствие не соответствует действительности, второе снимает различие науки и политики. Если согласиться со второй возможностью, то политический язык совпадает с религиозно-мистическим освоением мира, а процессы образования государств во времени и пространстве совпадают с формированием языков и вообще духовной культуры человечества.

Оба вывода фиксируют предельные основания политического языка и не являются образцами для подражания. Значит, познание мира политики может базироваться на логическом круге (и продуцировать парадоксы политического бытия), или на утверждении собственной достоверности (и продуцировать догмы для укрепления естественного догматизма и оппортунизма людей, вовлеченных в социополитические процессы не по своей воле, или профессиональных политиков, сражающихся за власть добровольно).

Кроме проблемы методологического выбора существуют социальные и институциональные факторы, которые затрудняют дистанцирование исследователей от социальной и политической конъюнктуры. В либерализме, марксизме, социал-демократизме и ленинизме образцом такой апологетики является категория *интереса*. Если считать интересы конституирующими, грань нормы и па-

тологии в социальном бытии становится неуловимой. Эта грань заполняется иллюзорными представлениями о государстве и социальном порядке, вследствие чего указанные направления политической мысли и действия смыкаются с консерватизмом⁴. Основанием такой смычки являются разные модификации этатизма.

Культ государства и социального порядка привносят в научное исследование более или менее осознанную апологетику. Этатистские концепции обычно базируются на категории интереса, трактовке власти как волевого отношения и представлении об обществе как организме. Данные концепции используются классическими (либерализм, консерватизм, социализм, марксизм) и романтическими (традиционализм, фашизм, национализм) идеологиями. Эти категории и концепции становятся тем более популярными, чем большее число государств применяют классическую концепцию суверенитета для достижения явных и скрытых политических целей. То же самое относится к идеологеме *выбора*. Она используется тогда, когда реального выбора уже нет. В итоге весь комплекс социальных наук используется для манипуляции обществом.

Нормативно-ценностный порядок всех государств базируется на отождествлении прав и обязанностей индивидов, идее иерархии ценностей и отождествлении обязанностей и ценностей. Все государства используют данные схемы мысли и преобразуют их в *нормы* деятельности госаппаратов независимо от специфики политических режимов (особенно это относится к органам полиции, разведки, вооруженных сил, дипломатии). Данные аппараты через СМИ и другие идеологические службы навязывают указанные схемы мышления всему населению. Институциональный схематизм политического мышления не зависит от специфики государств и идеологий, но всегда маскирует господство госаппаратов над обществом. Поэтому политическое отчуждение входит в структуру теоретического мышления и обычно определяет его содержание.

Отождествление индивида с данным социальным и институциональным порядком – это интегральный консерватизм, который может уживаться с любыми типами идеологии. Интегральный консерватизм культивирует специфическую философию: человек рассматривается как продукт внешних обстоятельств (биологических, экономических, политических, социокультурных) или трансцендентных сил (идеи, судьбы, провидения и т.п.). Приспособление к данным обстоятельствам и силам толкуется при этом как главная гарантия обоснованности индивидуального поведения. Ядром такого поведения является социальная мимикрия, характерная для всех обществ и государств и влияющая на политическое отчуждение.

1.3. **Феномен политического отчуждения** – это целостность интересов, властно-политических технологий и идеологий. Идеи «естественных прав», «общественного договора», «прав человека» и вытекающие из них концепции власти не позволяют постичь природу **политического отчуждения**, которое

⁴ См.: Макаренко В.П. Проблема общего зла. Расплата за непоследовательность. М., Вузовская книга, 2000

обусловлено формированием государств. В его состав входят: формы мышления, которые объясняют властные отношения экономическими, политическими, идеологическими и культурными факторами; толкование воли (единичной, особой, всеобщей) как основания власти; формы иллюзорной общности людей (семья, этнос, нация, корпорация, гражданское общество, партия, государство); преобладание групповой солидарности (примордиальной, этнической, национальной) над духовными связями людей; разделение государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную; властные формы политической, юридической и бюрократической софистики; государственные налоги, займы и долги; толкование государства и государственного управления обществом как «необходимого» и «естественного» процесса социальной жизни; специфические свойства лиц, осуществляющих власть и управление; типы вооруженных сил, полиции, дипломатии и госаппарата; мононациональный или полинациональный характер государства; способы освоения властью времени и пространства.

Указанные свойства политического отчуждения универсальны и отражаются в реальной истории и историографии наций и государств. История любой страны есть конкретизация общих свойств политического отчуждения. В результате властная регуляция социальных отношений рассматривается как «объективный» процесс по типу природных и космических.

Власть как социальное явление есть непредвиденное следствие множества частичных действий множества частичных властителей. Она вытекает из соперничества, борьбы и сотрудничества групп людей, располагающих средствами насилия и манипуляции⁵. Отношение властных действий к общему числу действий индивидов определяет меру **гражданского отчуждения**. Оно существует при любом государственном строе. Монополия на применение средств насилия и манипуляции была и остается у государства, включая демократию. Поэтому демократия не является ни идеалом, ни нормой государственного устройства. Прежде всего потому, что отказ от прямых методов физического насилия при демократии сопровождается культивированием опосредованных методов манипуляции гражданами⁶. Чем больше манипуляция входит в состав политической технологии государств, тем важнее учитывать уровень гражданского сопротивления.

Если власть с помощью насилия и манипуляции контролирует публичные действия, отношения, высказывания и мнения индивидов, наступает атомизация общества. В результате коллективные действия вне официально санкционированных форм становятся невозможными. Граждан как социальной группы не

⁵ В состав средств насилия и манипуляции входят: грабеж, реквизиция, уничтожение имущества, убийство, заключение в тюрьму, лишение воли, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление, иные методы физического и психического воздействия (террор, пытки, обман, клевета), правовые, экономические и социальные ограничения свободы индивидов и групп, отказ от сотрудничества, материальные вознаграждения и символические отличия, привилегии, коррупция, провокация и скрытая помощь.

⁶ «Происхождение демократии – это переодетая полиция, это штатскость – для конспирации наблюдения». Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. 2-е изд. М., ИМЛИ РАН, 2006, с.150

существует, они деклассированны, десоциализированы, маргинализированы. Так возникает социальная почва гражданского отчуждения. Оно существует при всех формах политического устройства общества, поскольку нет государств, которые не используют насилие и манипуляцию.

Понятие **гражданского сопротивления** позволяет эмпирически измерить абсолютное и относительное количество граждан, не согласных с данной политической системой и системой осуществления власти. Они могут культивировать мирные и вооруженные способы борьбы с властью (оппозиция, гражданское неповиновение, восстание, революция) в зависимости от того, какие средства она применяла на протяжении определенных периодов времени. Любое государство в его пространственно-временных параметрах есть пересечение политического и гражданского отчуждения с мерой гражданского сопротивления. Это обстоятельство не учитывается большинством политических теорий, которые предлагают разные варианты властно-политической технологии.

Властно-политическая технология – это способность властвующих и подвластных применять методы насилия и манипуляции для достижения целей, правомерность и обоснованность которых всегда дискуссионна. Невозможно утверждать, что либеральный, консервативный, социалистический и марксистский проекты развития общества имели когда-либо на своей стороне абсолютное большинство человечества. Поэтому ни один из них не может претендовать на доминирование. Каждый лишь выдвигает свою гипотезу об идеальном состоянии общества и соотношении средств и целей по его достижению. Эта гипотеза обычно объективируется в нормативно-ценностном порядке, которому подчинены политическая теория и практика. Однако соотношение средств и целей при реализации любого проекта остается вечной проблемой. Для ее блокировки обычно используется социальная инженерия. В ее состав вошла и наука. Поэтому последняя заслуживает не больше доверия, нежели религия.

Для критического отношения к властно-политическим технологиям предлагаю развести критерии силы и успеха власти. *Сила власти* – это отношение общего числа властных приказов и к числу выполненных гражданами приказов. *Успех власти* – этот параметр позволяет судить, насколько выполняемые гражданами властные приказы приводят к реальным состояниям, соответствующим замыслам властвующих. Чем более крупны и широки по охвату властные замыслы, тем меньше шансов их реализации. Между социальными проектами, властными замыслами, приказами и реальными состояниями всегда существует пространственно-временной зазор. Это – мера утопичности политики, от которой не может целиком освободиться никакая власть. Власть тем меньше эффективна, чем больше при реализации своих проектов и замыслов использует средства насилия и манипуляции. Политическое воображение обычно отождествляет данные критерии и трактует власть как творческое начало при реализации любых идей и проектов. В итоге возрастает политическое и гражданское отчуждение.

Трактовки власти как «рационального действия» смешивают данные критерии и не являются истинными, хотя широко распространены в социальных науках и властно-политической практике. Это свидетельствует о том, что власть всегда обладает тенденцией к десоциализации граждан и превращению науки в средство собственной апологетики. Универсальный интерес любой власти – максимальное расширение сферы регуляции. Поэтому наибольшим доверием пользуется наиболее репрессивная власть, которая использует манипуляцию гражданами как вспомогательное повседневное средство. Если демократия не в состоянии предотвратить манипуляцию, она тоже не заслуживает доверия.

Стремление повелевать и подчиняться есть выражение животного, а не социального, творческого и духовного начала в человеке. Властно-политические технологии выражают животное начало, поскольку никаких универсальных средств его искоренения еще не придумано. Ни одна из религий и государств пока даже не ставит такой задачи.

Большинство социальных теорий используются для обоснования идеологии власти. Такая идеология извращает отношение власти и граждан, скрывая следующие социальные факты: отношение власти и граждан обычно опирается на насилие и манипуляцию; интерес власти – подчинение общества до пределов возможного и самостоятельное определение этих пределов; деление людей на властвующих и подвластных вечно, а общность их интересов – явление случайное и выполняет служебную роль в политических системах. Ни одно государство не смогло отменить эти факты. Поэтому любая государственная власть может заслоняться разными идеологиями. Они обычно систематизируют мотивы, с помощью которых жители всех государств оправдывают собственное послушание перед силой, на которую они либо не имеют влияния, либо одной силе и манипуляции вынуждены противопоставить другую силу и манипуляцию.

Если признать истинность теорий цивилизационных циклов (которые были и останутся дискуссионными), то любая власть в равной мере может быть признана одновременно легитимной и нелегитимной. Задача социальных наук – распредмечивание любых форм политического и гражданского отчуждения. Массы нуждаются в способности к гражданскому сопротивлению во всех пространственно-временных координатах, где и когда власть использует хотя бы один метод насилия и манипуляции, если он выходит за пределы соблюдения элементарных форм человеческого общежития.

1.4. Я рассматриваю историю Московского княжества, Российской империи и СССР как *процесс аккумуляции господства*. В СССР после 1917 г. сложился класс тройного господства, который сосредоточил в своих руках экономическую, политическую и идеологическую власть. Официальная идеология скрывала следующие факты и тенденции: антагонизм между интересами трудового народа и класса тройного господства; природу советской эксплуатации человека человеком; роль индивидов и групп в освобождении от экономической

эксплуатации и политического господства. Одновременно марксизм сомкнулся с либерализмом, трактуя экономические интересы и развитие экономики как надысторический феномен, средством реализации которого выступает государство. В результате комплекс социальных наук в СССР скрывал факты и тенденции, которые способствовали тому, что уже на рубеже XIX-XX вв. «отсталая царская Россия» применяла такие способы воздействия на экономику, к которым «передовой Запад» пришел лишь полстолетия спустя: вмешательство государства в циклы конъюнктуры; активная роль государства как экономического субъекта; рост контроля над частной собственностью; переплетение госаппарата с экономической бюрократией.

В настоящее время социальные науки России и стран Запада широко культивируют ленинские, социал-демократические и либеральные догмы. Все они используют телеологию при обсуждении процессов социально-исторического развития и заканчиваются территориальным противопоставлением Запада и России. После 1991 г. это противопоставление стало универсальным. В результате отечественная социальная наука отброшена почти на двести лет назад. Эта тенденция укрепляется за счет использования тех схем эмигрантской и западной социально-философской мысли, в которых история России XX в. трактуется как воплощение «тоталитаризма» или «модернизации».

Данные схемы и шаблоны объясняются тем, что большинство социальных теоретиков в России и на Западе пока не освободились от связи с комплексом «власть-собственность-идеология». У социальных теоретиков не хватает мужества порвать все связи с официальным миром власти, денег и массовой культуры. Толпы западных интеллектуалов и русской интеллигенции по-прежнему хотят жить под крышей власти и богатства. Большинство в этой толпе не может освободиться от культа государства и связанных с ним иллюзий. Однако материальное своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству никогда не были благородными человеческими побуждениями. Чтобы обнаружить их низменность, надо исходить из принципиального различия мотивов и реальных следствий человеческой деятельности.

Для анализа данных различий социальная наука должна отбросить иллюзии органичности государства и обосновать антиэтатистскую познавательно-практическую установку. Однако индивиды и группы, профессионально занятые в политико-управленческих и идеологических сферах, преобразуют своекорыстие, властолюбие и стремление к духовному господству в «норму» социального и политического бытия людей. На этой основе формируется квазиполитика.

Квазиполитика – это следствие отождествления единичных, групповых и общих интересов с историческими и политическими формами их институционализации. Социальные и политические институты преобразуют интересы в формальные действия и ликвидируют возможность теоретического обсуждения и практического решения проблем политического и гражданского отчуждения.

Государственная власть при этом квалифицируется как универсальное явление, а социальные конфликты власти и граждан осознаются и решаются в пользу данного государства. Квазиполитика создает и культивирует мнимые формы участия граждан в политике, сгущает абстрактные характеристики индивидов, а государство транслирует конфликты социального и политического бытия индивидов. Политико-управленческая деятельность есть множество случайных актов и событий, выступающих в упаковке «государственных интересов», «государственной необходимости» и т.д.

Политическая и властно-управленческая деятельность не создают материальных и духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяют. Однако критерии справедливого распределения были и останутся дискуссионными. Взамен постоянного обсуждения данных критериев политическая и властно-управленческая деятельность претендует на главную роль в обществе и способствуют этатизации социально-политической мысли. Для критики данной тенденции требуется такое описание всех социальных конфликтов, которое было бы свободно от материальных, политических и идеологических интересов, т.е. от любых форм связи власти с собственностью и идеологией. Осуществить эту задачу крайне сложно, поскольку требуется отрыв сознания от институционализованных социальных и политических форм, а также от иллюзорных форм отражения действительности. В этом смысле антиэтатистская методология может быть только тотальной. Ее состав определяется совокупностью конфликтов социально-политического бытия.

Антиэтатистская методология связана с определенным политическим идеалом, который не тождествен ни идее (ценности) государства, ни реально существующим государствам, ни способам распределения в них власти, ни этатистским политическим теориям. Любая связь власти с собственностью и идеологией при создании такого идеала квалифицируется как абсолютно отрицательная ценность. В реальных государствах власть абсолютно или относительно неподвижна, а собственность или идеология только укрепляют эту неподвижность. Все проекты переустройства общества по либеральным, консервативным, социалистическим и т.п. сценариям не свободны от указанных связей и потому являются вариантами квазиполитики.

Политическая история России и русской политической мысли – один из показательных примеров этатистской традиции. Я использую эту историю для конкретизации теории политического отчуждения и анализирую главные события этой истории под углом зрения сформулированных принципов исследования.

2. Аккумуляция господства

Вторая часть теории власти посвящена описанию генезиса властно-собственнического синдрома в истории России. При этом рассматриваются кон-

кретные конкретные проявления политического отчуждения. Выделяются следующие крупные проблемы: начало русской власти; первая суперклассовая борьба; система русской власти; формы государственного обогащения; государство как верховный учетчик и контролер.

2.1. При описании *начал русской власти* вычленяются три феномена: социальный смысл «татаро-монгольского ига»; украденная независимость; «объединение земель вокруг Москвы» как двойное угнетение.

2.1.1. Социальный смысл «татаро-монгольского ига». Монголы стремились расколоть коренное население и православную церковь. Ее клир первым начал сотрудничать с врагами. Одновременно монголы использовали местных князей для собирания дани. По этим причинам православная религия и власть становились **чужими**. Монастыри и княжества обогащались за счет собственного населения. Типичный князь целые столетия был монгольским сборщиком дани. Верноподданность князей в отношении чужой власти позволила преодолеть феодальную раздробленность и создать собственное государство. Монголы создали также механизм конкуренции кандидатов на центральную власть. В результате происходил отбор лиц, обладающих низкими моральными качествами. Эти качества позволяли подавлять свой народ, достигать успеха в политической конкуренции и были конкретным проявлением животного начала возникающей русской власти. Основанная на них система конкуренции стала предпосылкой для «скачка в ее развитии» (как сказал бы гегельянец). Для укрепления своей власти использовалась чужая военная сила. Поэтому при генезисе Московского княжества интересы русской власти стали параллельны интересам врагов. Так татаро-монгольское иго стало московским игом.

2.1.2. Независимость Московского княжества была украдена у монголов. Московские князья культивировали насилие в отношении населения. Преобразование внешнего насилия во внутреннее – архетипический элемент власти Москвы. Она с самого начала боялась населения, выступая представителем чужого государства и противостоя обществу в целом. Таков был общий интерес власти Московского княжества.

2.1.3. Двойное угнетение. После устранения монгольского гнета власть оказалась перед выбором: быть свергнутой или усилить угнетение. Она пошла по второму пути. Первое проявление этой тенденции – подавление и присоединение к Москве Новгородской республики. Объединение земель вокруг Москвы заключалось в навязывании им модели абсолютной власти. Православная церковь освятила данную тенденцию.

Для социальной опоры Московское княжество создало первый в истории Европы двойной класс помещиков-дворян. В его поведении соединились властолюбие с корыстолюбием, политическая власть с экономической. Из таких людей состоял госаппарат – главный элемент политического отчуждения. Поместная система служила власти и усиливала этот процесс. Государство создавало классы по своему усмотрению. Русское дворянство – первый в истории

Европы носитель политического и экономического отчуждения одновременно. Связанная с Московским княжеством власть кажется автохтонной, а на деле с самого начала своего существования была чужой населению.

2.2. На этой основе в России возникла *первая суперклассовая борьба* в истории Европы.

2.2.1. Рост военно-чиновничьей касты – общая тенденция генезиса государств. Специфика ее проявления в России состоит в том, что данная каста сформировалась как класс властителей-собственников. Вершина политической иерархии была вынуждена считаться с его общими интересами. Класс двойных угнетателей (дворян-помещиков) начал борьбу с классом одинарных угнетателей (бояр). Властители-собственники выступили против обычных собственников. Главной ставкой борьбы было двойное (политическое и экономическое) господство над населением.

Одновременно возникающий госаппарат выступал как проявление верховного произвола. Этот произвол постепенно распространялся на все слои населения, включая православный клир. Центр возникающей державы заселялся людьми, готовыми быть опорой власти. Они стали исполнителями возникающей системы массового террора, что привело к еще большему росту абсолютной власти. Опричнина соединила готовность опричников к массовому истреблению населения с достижением материальных интересов данного слоя. В итоге центр стал верховным эксплуататором, а система террора ударила прежде всего по классу одинарных собственников.

2.2.2. Смысл опричнины и социальный характер государства. Опричнина – естественное продолжение процесса политического отчуждения. Основной интерес класса властителей-собственников – устранение прежнего класса собственников. Чтобы сломить его сопротивление, первые прибегли к социальному террору и разрушили характерную для феодализма автономную структуру собственности. Это привело к упадку экономики (крестьянского хозяйства), затрагивая интересы обоих классов одновременно. Сопротивление политике террора со стороны класса властителей-собственников привело к тому, что острие террора постепенно направлялось против самих исполнителей.

В период опричнины впервые было создано государство в государстве: интересы вершины политической иерархии переплелись с интересами исполнителей террора. Социальный состав опричнины был общенациональным и интернациональным – принадлежность к опричникам давала право на поместье. Московскому государству не надо было заботиться о равновесии сил, поскольку сословий в европейском смысле слова здесь не существовало. Сословия в России означали ранги государственной службы. Верховная власть представляла интересы властителей-собственников, образующих ядро госаппарата. Русские дворяне никогда не угрожали власти царя, поскольку он наделял их квазисобственностью, которую они в любой момент могли потерять. Право собственности надо было подтверждать в каждом поколении – идти на «государеву

службу». Русские помещики тоже трепетали перед произволом верховной власти и вынуждены были приобретать мерзкие человеческие свойства ради победы в борьбе за квазисобственность.

Органы самоуправления в России (Земский собор, земства) выражали прежде всего интересы абсолютной власти. Их главная задача состояла в собирании налогов и передаче их в государственную казну. Чиновники этих органов обязаны были действовать по принципу «круговой поруки» – коллективной ответственности за свою вину и вину своих сотрудников. Смертная казнь назначалась не только за обычные злоупотребления (взятка), но и за недонесение на *злые умыслы* населения и собственных коллег. Наградой за донос были земля и имущество конкретных лиц. В итоге двоедушие стало внутренним свойством госаппарата и органов самоуправления. Поэтому социальный смысл русского феодализма и самодержавия один и тот же: нивелировка населения страны перед госаппаратом и его главой.

2.2.3. Первая гражданская революция и русский национальный характер. В период становления самодержавия (особенно опричнины) акты индивидуального сопротивления были делом «юродивых во Христе». «Нормальные» люди не могли сопротивляться насилию, поэтому от имени общества выступали «ненормальные». Первые понимали, вторые не понимали бессмысленности индивидуального сопротивления. Поэтому норма и девиантность в России неразличимы. Юродивые во Христе как социальная фигура канонизировались православной церковью и сыграли роль в становлении русской интеллигенции.

Крестьянские восстания в истории России направлялись прежде всего против властителей-собственников – членов госаппарата и непосредственных исполнителей государственного угнетения. Массовое бегство населения из центра на окраины – естественная реакция на хаос в центре, порожденный сочетанием верховного произвола с деятельностью госаппарата. Волна крестьянских восстаний XVI в. завершилась первой в истории России крестьянской войной 1606-1607 гг., поддержанной разными слоями общества. Само государство вызвало первое мощное гражданское сопротивление. Общность интересов граждан превалировала над различиями экономических интересов социальных слоев. Государство-собственник впервые было осознано как главный социальный враг населения. Все слои общества выступили против собственного равенства в бесправии.

Крестьянская война начала XVII в. – первая гражданская война населения с государством. Толкование гражданской войны как «Смуты» отражает стремление официальной историографии и социальной науки связать господ вчерашнего дня с господами сегодняшнего, выражает сервиллизм научного сообщества. В состав граждан входит не только неимущее население (народ), но и собственники, которые владеют собственностью независимо от вершины власти и госаппарата. Война граждан с государством как социальное явление шире войны с конкретными эксплуататорами. В такой войне независимые собственники ста-

новятся естественной политической элитой масс, усиливают сопротивление и притягивают к гражданской войне нерешительных. В этом смысле гражданская война – универсальное явление истории государств, в которых власть переплетена с собственностью. Она может рассматриваться также как зачаток всех народно-религиозных движений, выступающих против госаппарата и связанного с ним клира.

Непосредственным результатом первой гражданской войны было введение принципа наследования, применение которого растянулось на целое столетие. Связь власти с собственностью постепенно ослаблялась. Но этот процесс был формой бюрократизации государства, а не правовой тенденцией. Русское правительство не могло контролировать данный процесс. Гражданская война ограничивает связь власти с собственностью и вынуждает государство выступать в виде обычной политической власти. В этом смысле для истории России восстания, революции, гражданские войны органичны, поскольку были предпосылкой и главным критерием становления снизу гражданского общества. Но эта предпосылка до сих пор не реализована.

Европейские критерии гражданского общества (городское самоуправление), легитимное (на основе права) сопротивление власти и корпоративная организация общества неприменимы к истории России. Первая гражданская война была единственной, которая непосредственно угрожала столице царей. Впервые центр осознавался как источник социального зла. В этом состояла специфика гражданского общества в России. Последующие восстания и гражданские войны происходили уже в провинции. Отстранение русской власти от прямой связи с собственностью связано с тем, что она прекращает даже минимальную заботу о подданных и отдает их во власть частных собственников. Но гнет последних был все же меньше властно-собственнического угнетения. Главный кошмар России – постоянная роль государственной власти в ее истории.

На протяжении XVII в. сформировалась единая форма собственности: собственник мог произвольно распоряжаться землей, но всегда был обязан служить государству. Тем самым оно могло скрываться за произволом собственника и одновременно выступать в маске «покровителя» и «радетеля» интересов всего общества и каждого подданного. В результате патернализм приобрел ранг политической и экономической традиции: дворян заставляли нести государственную службу в армии или администрации, а крестьян – платить налоги и нести другие повинности.

Эти процессы повлияли на становление русского национального характера (ментальности). Главной причиной различных форм классовой борьбы в русской истории было государство. Его экономическая политика всегда была направлена против интересов населения. Об этом свидетельствуют даже названия бунтов (соляной, медный, картофельные и т.п.). Поэтому неверно вслед за А.С.Пушкиным называть русский бунт «бессмысленным и беспощадным». В

любом восстании был смысл, поскольку оно позволяло скорректировать политику государства. За жестокость бунтов тоже отвечает государство: русским людям на протяжении столетий было у кого научиться жестокости. Ведь никто не заставлял русских князей соединять власть с собственностью. Бессмысленной и беспощадной была политика государства, которая никогда не отличалась смыслом и милосердием.

Социальная структура России уже в XVII в. переплелась с государственной властью. Социальная структура в целом состояла из «служилых людей», контролируемых государством. Каждый элемент структуры имел обязанности, но не имел прав, гарантирующих влияние на государство. Переплетение власти и собственности стало принципом бытия и функционирования государственного аппарата. Этот принцип культивировал взаимное предательство (измена) – главный мотив политического поведения аппарата (впервые этот мотив проявился в поведении руководителей дворянских отрядов в гражданской войне под руководством Болотникова). Классы и группы в России создавались по произволу государства.

Такой способ формирования социальной структуры отличался от западноевропейского. В Европе самостоятельность сословий базировалась на происхождении и правовых привилегиях; каждое сословие обладало особым локальным и профессиональным статусом, который передавался через систему унаследованных политических прав. В России класс властителей-собственников создан сверху для социальной опоры ненавистной власти, после краха ее татарских покровителей. Этот класс никогда не был независимой от власти социальной силой, подобно западным сословиям земельных собственников.

3.1. На этих основаниях возникала *система русской власти*. Государство стало элементом базиса русского общества уже в период феодализма. Социальные и революционные движения России XVII-XVIII вв. не нарушили отношения собственности, поскольку государство было главным фактором их трансляции и консервации. Оно нивелировало борьбу экономических классов и не способствовало прогрессу и социальной динамике. Государство свело механизм социального развития к выравниванию распределения экономических благ. В Европе этот механизм начал формироваться лишь в последней трети XIX в., после крушения классического либерализма. В России он существовал уже в феодальную эпоху. Русское государство свело борьбу экономических классов к роли второстепенного фактора социального развития. Главным фактором выступала борьба политических классов, обладающих или претендующих на монополию власти-собственности.

3.1.1. В русском обществе на протяжении столетий экономика и политика выступали способами социального контроля. Общая модель развития частнособственнического уклада включает следующие элементы: деление на сельский и городской уклады; тождественность отношений между ними; циклы развития обоих укладов включают следующие фазы: рост отчуждения труда-социально-

революционные движения-эволюция отношений собственности; в результате такой эволюции распространяются отношения собственности с более высоким показателем развития.

В России третьим элементом отношения между городом и деревней выступало государство, точнее – властно-собственнический госаппарат. Он подчинялся другим закономерностям и воздействовал на развитие других сфер. Поэтому не был механизмом формационного перехода и всегда нарушал общую модель развития.

По сравнению с экономической системой развитие политической системы происходит иначе: рост политического насилия способствует росту гражданского отчуждения; отчуждение граждан от государства ведет к социальным и революционным движениям; власть подавляет эти движения за счет преимущества в средствах насилия и тактике; происходит усиление аппарата власти и расширение политического гнета; гнет порождает деклассирование и десоциализацию граждан; за счет деклассирования государство достигает равновесия, поскольку разрушение социальных связей не позволяет организовать новое гражданское сопротивление.

Отсюда вытекают два правила развития государств: выход из фазы революционных движений увеличивает гражданское отчуждение; государство поддерживает гражданское отчуждение выше границы гражданского деклассирования. Власти выгоднее десоциализация граждан, нежели их мирное отношение к распорядителям средств насилия. Для выхода из революционного кризиса власть увеличивает сферу насилия и контроля. Поэтому в мирное время она может уменьшать то и другое. В любом случае власти выгодно доводить гражданское отчуждение до пределов. Она провоцирует гражданские волнения для того, чтобы в будущем располагать не только социальным миром, но и расширенной сферой насилия и контроля.

Отсюда вытекают еще два правила: при давлении граждан на частную собственность распорядители производительных сил вынуждены улучшать положение трудящихся до тех пор, пока те не прекращают давления; при давлении граждан на власть она увеличивает насилие до тех пор, пока не лишит граждан малейшей возможности дальнейшего сопротивления. Экономическая сила частных собственников усиливается в ходе эволюции отношений собственности и ослабевает в результате революционных волнений. Политическая сила властителей возрастает в период роста гражданского отчуждения. Но они стремятся так укрепить свою власть с помощью технических и организационных средств, чтобы навсегда подчинить себе граждан. В этом смысле всякая система власти претендует на вечность и переплетается с религией.

Если властители являются одновременно собственниками, это ведет к следующим модификациям: при экономических конфликтах с непосредственными производителями материальных и духовных ценностей власть использует преимущественно политические методы разрешения конфликтов; частный соб-

ственник может оказаться беззащитным перед производителями, государство всегда готово к защите и нападению; власть осуществляет эскалацию репрессий для разрушения социальной структуры сопротивления и десоциализации граждан; поэтому любой экономический конфликт обладает политической тенденцией и угрожает взрывом в масштабах всего общества; эта тенденция усиливает естественную склонность власти к расширению своей сферы за счет ограничения и лишения сферы свободы всех граждан; власть осуществляет десоциализацию – разрушение автономных социальных связей граждан; десоциализация осуществляется путем физического уничтожения, репрессий и принуждения граждан к разрыву социальных связей.

Государство-собственник – большой угнетатель, нежели обычная иерархия власти. В государственном секторе рост производительности труда исключен по определению или укрепляет властно-собственническую иерархию. Связь власти-собственности политизирует всю экономику. В результате госаппарат может не только подавлять производителей, но и вести игру с классом собственников в целом. Частные собственники тоже могут нуждаться в государстве для подавления непосредственных производителей. Связь власти-собственности ведет к тому, что власть самостоятельно определяет, кто является и не является частным собственником. Из-за этого частный сектор тоже погружается в стагнацию. Трудящиеся и частные собственники вынуждены кормить растущий слой надзирателей-управленцев.

3.1.2. Все указанные свойства экономики и политики сложились в России в начале XVII в. Государство стало верховным собственником-эксплуататором. После восстания Болотникова шла дальнейшая бюрократизация госаппарата и превращения его в самого крупного земельного собственника⁷. Для регламентации жизни государственных крестьян и управления ими было создано особое министерство. Госаппарат стал верховным эксплуататором, отнимая прибавочный продукт и накладывая на население огромные налоги. Эта дань в основном шла на содержание аппарата.

Государство установило и транслировало монополию на производство и продажу особо доходных товаров. Внутренняя и внешняя торговля были монополией государства. Для этого оно заимствовало у Западной Европы политику меркантилизма. На протяжении столетий (при царях, большевиках и нынешних правителях России) государство присваивало прибавочный продукт промышленности и сельского хозяйства, грабило население налогами и осуществляло вторичную перераспределение доходов без участия населения. Этот факт до сих пор не учитывается большинством направлений русской социально-исторической мысли и политики. Зато упорно транслируется другой стереотип: русское государство было и есть двигатель прогресса во всех отраслях экономики и социальной жизни. На деле государство было и остается главным собственни-

⁷ На протяжении 180 лет (1678-1858 гг.) число государственных крестьян в России возросло почти в 13 раз, тогда как число помещичьих крестьян - только в 3 раза.

ком-эксплуататором российского общества и прилегающих территорий. Значит, русская социально-политическая мысль должна быть направлена на разрушение этого стереотипа.

Связь насилия и эксплуатации повлияла также на отношение «нация – государство». В Европе Нового времени связь между ними была главным социальным отношением. Оно повлияло на всю социально-политическую мысль. Таков критерий для оценки классических и современных теорий интересов и институтов.

Тогда как социальная структура России была и все еще остается следствием регламентации социальной жизни. Обычно правовые определения санкционируют уже сложившуюся социальную дифференциацию. Бюрократическая регламентация есть акт вмешательства официальной статистики и социальной науки в социальную структуру и процессы. При этом границы социальных классов и групп устанавливаются сообразно интересам госаппарата. Он присваивает себе право решения сомнительных и неопределенных ситуаций, а социальная наука ему не противодействует. Поэтому бюрократическая регламентация противостоит правовым определениям социальной структуры. Переплетение правовой и бюрократической регламентации впервые реализовано в Табели о рангах и до сих пор определяют социально-групповую структуру.

Отсюда вытекает принципиальное различие сословий в Европе и в России: в Европе принадлежность к сословиям (происхождение) была связана с привилегиями и правами, в России любые привилегии были связаны с произволом царя, а права никогда не получали политического оформления; в Европе государственная служба никогда не была основанием допуска в «благородные» сословия, в России достижение определенного ранга на государственной службе автоматически влекло за собой принадлежность к «благородным» сословиям. Иначе говоря, в России критерием «благородства» была и остается сфера занятий, не создающая ни материальных, ни духовных ценностей. Поэтому сами критерии дифференциации социальной структуры отражают связь власти-собственности. Следовательно, русская власть никогда адекватно не отражала ни общие интересы населения, ни интересы слоев и групп (производителей и собственников), а реализовывала свои интересы, придавая им ранг государственных⁸.

3.1.3. Русское государство и проблема Петра I. В Европе цеховая организация обладала монополией на средства производства и сбыта и стала предпосылкой автономных цеховых связей, независимых от государственной власти. В российской промышленности и торговле не было европейских цехов (корпораций). Государство преобразовывало богатых горожан в чиновников, сообразуясь прежде всего со своими интересами, а не интересами возникающей буржуазии.

---

⁸ Эту идею можно использовать для оценки любых отечественных и зарубежных работ по описанию социальной структуры Российской империи, СССР и современной России.

Возникающие абсолютные монархии в Европе вели политическую игру с прежними и новыми классами собственников. В России социальные и политические процессы шли в другом направлении. Если термин «абсолютная монархия» понимать в социально-политическом (а не юридическом) смысле, в России она существовала задолго до европейских абсолютных монархий. На рубеже XVII-XVIII вв. (реформы Петра I) русское государство осуществило одну из наиболее эффективных попыток вернуться назад и стать исключительным собственником.

Для абсолютных монархий Европы характерна модель политики как лавирования между социальными силами для реализации определенной программы. Эта модель неприменима к русскому государству, поскольку она сконструирована для обществ, условием равновесия которых является состояние социального мира, а не насилия над обществом. Петр I насильственно создавал промышленность, торговлю и новые классы. Эта модель не может быть применена и к периодам относительно «нормального» развития России (например, царствование Екатерины II). Русская власть взяла на себя инициативу создания и ликвидации целых классов и групп. От этой модели Россия не отступала никогда, включая современные преобразования.

Суть реформ Петра I – усиление (а не разрушение) связи власти-собственности. В итоге его деятельности любая частная инициатива ликвидировалась, а возникающая русская буржуазия наглухо привязывалась к государственной телеге. Петр I реализовал политику Ивана Грозного другими методами. Суть его политики – бюрократизация, а не терроризация общества (как при Иване Грозном). Петр создавал русскую буржуазию как средство полного подчинения дворянства государству. Поэтому Петр I двигал Россию назад, а не вперед.

Такова же специфика восходящего к Петру I русского государственного атеизма: он инициирован верховной властью, а не был следствием длительного развития рационализма в лоне религиозной традиции и добровольного свободомыслия граждан.

3.1.4. Реальная агрессия и миф реформаторства. Со времени Ивана Грозного захват других земель, морей и гор стал постоянной тенденцией внешней политики русского государства. Петр I придал традиционной агрессивности русского государства европейские измерения. В общем виде агрессия – важнейшее средство расширения сферы контроля одной властной иерархии на другую властную иерархию. Эта тенденция начала проявляться после того, как в России власть уже полностью подчинила себе население (с помощью конкретно-исторических средств технического контроля). Власть не может быть агрессивной до тех пор, пока не овладела собственной социальной территорией. Она становится агрессивной после установления контроля над всеми социальными территориями (т.е. различными группами населения). Ради расширения контроля власть готова вступить в войну с другой властной иерархией. Поэтому главная причина агрессивности Российского государства – насилие над собственными

ми подданными. С учетом дополнительных факторов (размеры страны, количество населения, минеральные богатства, политическая традиция) внутреннее насилие есть условие внешней агрессии.

Миф Петровских реформ базируется на первом догмате ленинизма: отсталая страна «обязана» развивать экономику; государство свободно от мотивов своекорыстия и прибыли и может выражать интересы всего общества; никто (кроме государства) не в состоянии выражать интересы, направленные на вхождение страны в разряд «цивилизованных»; для развития экономики можно применять «варварские» методы. Последний тезис соединяет ленинизм с либерализмом. В основе этого мифа лежит убеждение об экономике как главном факторе социального развития, а его составными частями являются телеологизм, идеализм и индивидуализм.

Петр I не изменил ранее указанные закономерности генезиса и функционирования системы русской власти. Реформы Петра I объясняются следующими обстоятельствами: на рубеже XVII-XVIII вв. власть в России была слабой для того, чтобы повторить опричнину, и потому стремилась найти союзника; русская буржуазия в то время тоже была слабой; поэтому Петр I направил свою деятельность на создание подчиненной государству буржуазии; а поскольку сила буржуазии зависит от распоряжения производительными силами, постольку власть развивала промышленность руками буржуазии. Реформы Петра не превратили русскую буржуазию в сильного союзника государства (как на Западе), а воплотили в жизнь и усилили гражданское отчуждение. Производительность труда в России была низкой, поскольку население одновременно подвергалось политическому насилию и экономической эксплуатации. Петр I превратил государственных холопов-крестьян в государственных холопов-рабочих. Государственный холоп-рабочий трудится еще хуже по сравнению с государственным холопом-крестьянином. Поэтому реформы Петра еще больше снизили производительность труда. Русская власть превратила холопов-крестьян в современных рабов. А поскольку власть связала буржуазию со своими интересами, постольку государство еще более усилило эксплуатацию. Одновременно оно ограничило спрос на продукцию собственной промышленности. Насилие государства ликвидировало также волю к гражданскому сопротивлению. В этом смысле реформы Петра I обнажили до предела конфликт власти и собственности, политики и экономики.

3.1.5. Бюрократический хаос, властный произвол и большой скачок. Введение Табели о рангах обеспечило воспроизводство госаппарата уже в начале XIX в. Этот факт отражает главные тенденции русской власти: количественный рост госаппарата доказывает, что он становился господином русского общества; это укрепляло положение государства как третьей силы (между народом и дворянством) и способствовало тому, что оно приобретало надклассовый характер; одновременно оно затрудняло образование политических и интеллектуальных элит народа – способные индивиды получили канал социального продвижения

при условии верноподданности государству. Особенно опасной была третья тенденция. Она ликвидировала казачество как потенциальную социальную и интеллектуальную силу крестьянства. Казачество потеряло свой социальный и революционный потенциал – главную предпосылку политической и интеллектуальной элиты.

Госаппарат выражал прежде всего свои собственные интересы и интересы государства, а не интересы общества, что объясняется его общими и специфическими свойствами:

Русская система управления эффективна в смысле предельного усиления интересов власти, а не в смысле выражения интересов общества, которому обязано служить государство (а некоторые действительно служат). Русское государство минимально служило общим интересам населения страны прежде всего из-за своей неэффективности. Это кажется патологией, если рассматривать госаппарат с нормативной точки зрения – т.е. полагать государство и его аппарат слугами общества. Но государственную власть можно считать машиной господства над обществом, которая действует независимо от намерений конкретных лиц (властно-управленческой иерархии) и может быть ограничена только силой граждан. Поэтому количественный рост госаппарата – естественный результат расширения власти водителя над пассажирами государственной машины. Положение отдельного служащего в структуре власти зависит от числа подчиненных ему людей. Поэтому каждый рекрутирует столько людей, сколько должностей ему удастся создать. Функционеру безразлично, служат или не служат они обществу. Ему важно, чтобы они служили лично ему. Интерес каждого чиновника – создание новых должностей, расширение сферы государственной регуляции социальной жизни, выполнение указаний начальников, не вникая в их смысл.

Бюрократический хаос в сфере законов, указов и инструкций тоже соответствует интересам власти. При таких условиях легче принимать произвольные решения сообразно интересам служащих каждого уровня власти. При хаосе укрепляется социальное положение чиновника – ему приписывается знание запутанной сферы законов, уставов и инструкций по причине времени, которое он проводит в государственных учреждениях. В нормальной политической системе знание законов и прав принадлежит юристам. В бюрократической системе власть, вытекающая из знания законов и прав, оказывается в руках государственной службы. Хаос в сфере законов, уставов, инструкций затрудняет контроль каждого уровня власти сверху и снизу. Если вершина власти (в данном случае царь) не обладает всей информацией о социальных процессах, это тоже соответствует интересам аппаратчика, ибо уменьшается вероятность раскрытия его действительной роли. Аппаратчик прекрасно чувствует себя в состоянии правового хаоса, среди толпы подобных, занимающих кабинеты и коридоры государственной пирамиды. Наиболее выгодная ситуация для него возникает тогда, когда вершина власти выполняет роль орнамента бюрократиче-

ской пирамиды, поскольку она поглощает и «представляет» гражданское общество. В этом и заключается интерес власти как социального (политического) класса, социальная база которого была закреплена петровской Табелью о рангах. Таков механизм российского преобразования гражданского общества в бюрократическое государство.

Следовательно, реформы Петра I – это становление системы политико-экономического двоевластия, в котором бюрократическая система уже существовала, а системы массового террора еще не было. Зато интересы госаппарата уже господствовали над интересами частных собственников.

Екатерина II создала предпосылки «новояза» (извращения смысла слов в политических целях) и систему тотального господства дворянства над подданными при одновременном сохранении за подданными права на донос. В этой системе бюрократия и дворянство определяли государственные интересы – совокупные интересы властителя и собственника. Государство все более приобретало духовную власть за счет надзора за церковью, культурой и наукой. В этом и состояла модификация европейской системы «равновесия» и «гармонии» интересов указанных классов, определяющих «общие интересы» русского государства. Отсюда вытекает следующая закономерность функционирования русской власти: уменьшение государственного вмешательства в одну сферу социальной жизни («освобождение дворян» при Екатерине II) компенсируется ростом вмешательства в другую сферу (духовное производство) для возмещения потери и сохранения возможно большей сферы глобального контроля государства над социальной жизнью.

К русскому обществу неприменима марксова схема, поскольку в истории России не было периодов, когда государственные интересы выражали или хотя бы приспособлялись к интересам частных собственников. Власть всегда распоряжалась средствами насилия и средствами производства. Главный интерес государства был прежде всего политическим, а не экономическим. Поэтому русское государство никогда не выражало ни интересы частной собственности, ни интересы «всего общества» и не служило социальным целям. Власть отвергала любые социальные проекты, связанные даже с малейшими социальными преобразованиями. Со времени Николая I в политическую культуру бюрократии вошло отрицательное отношение к любым социальным инициативам, даже если они предлагались привилегированными лицами и группами. Наиболее широкие социальные проекты декабристов закончились виселицей и каторгой. Поэтому безусловно прав Дж. Кеннан: при анализе системы управления Россией надо удивляться не тому, что «...ссылка административным порядком создает террористов, а скорее тому, что она еще не сделала террористами весь народ»⁹.

⁹ Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886). Т.1. СПб, Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999, с.240

Таковы следствия воспроизводства бюрократии и крестьянского менталитета чиновников. Русское государство как верховный собственник-эксплуатор было самым консервативным. Вопросы социально-экономического развития интересовали его лишь в той мере, в которой позволяли поддерживать прежний уровень насилия и расширять контроль над гражданами.

При сравнении стран Запада и России зарубежная и отечественная либеральная историография обычно подчеркивают, что в России не сложилась идея правового государства. Это положение фиксирует лишь истину о фактах, а ссылка на византийскую или монгольскую традицию просто сдвигает проблему в прошлое. Теория политического отчуждения позволяет истолковать этот факт иначе:

1. Власть свободна больше при выполнении указаний сверху относительно конкретных лиц и ситуаций, нежели при применении абстрактных норм права. Начавшаяся при Петре I и завершившаяся при Николае I тенденция бюрократизации расширила сферу властного произвола. Власть и управление сводились к выполнению приказов вышестоящих лиц, а не к применению норм права.

2. Отсутствие прав и обязанностей властвующих и подвластных позволяло власти произвольно расширять свою компетенцию и контроль над гражданами и потому было ей выгодно, особенно с учетом принципиального отличия идеи единства прав и обязанностей в Европе и России.

3. Идея главенства закона над властью ограничивает ее, поскольку обязывает искать правовые основания решений, а граждане на основе законов могут ставить под сомнение властные решения. Законы и права в некоторой степени ограничивают рост господства власти над гражданами

В целом европейские концепции власти неприменимы к анализу России. Идея и система правового государства не была принята в России, поскольку противоречила элементарным интересам автохтонной власти. Россия «прыгнула» из феодализма в социализм потому, что уже при феодализме связала власть с собственностью. Она намного раньше достигла состояния, к которому страны Запада пришли лишь в период позднего капитализма – т.е. после второй мировой войны.

4.1. При анализе *форм государственного обогащения* надо учитывать: деятельность державы как средства грабежа и наживы; движение от бюрократической опричнины к государственным имуществам; реформа 1861 г. как новая Табель о рангах; проблема выбора процедуры объяснения.

4.1.1. Держава как средство грабежа и наживы. Главные источники первоначального накопления в России состояли в следующем: расхищение общинных и государственных земель; колониальная политика; война и казенные поставки; фаворитизм; внешняя и внутренняя торговля; система государственного кредита; откупа, монополии, выкупные операции. Все источники связаны с деятельностью государства. Все русские капиталисты более-менее опирались на военно-экономическую силу государства. В такой степени она не применялась

нигде. Здесь Россия тоже опередила страны Европы. Поэтому ложна всякая аналогия между ролью протестантов на Западе и ролью старообрядцев в России в формировании капитализма. В России только государство было «нормальным каналом» социального продвижения. На успех могли рассчитывать только верноподданные и пассивные люди со средними способностями. Предприимчивость и инициатива как социальные свойства были и остаются вне государства и этатизированного общества.

Накануне аграрной реформы 1861 г. значительно возросла абсолютная и относительная экономическая сила государства-собственника. На эту тенденцию мало обращают внимания дореволюционные, советские и нынешние отечественные историки (проверить по современным учебникам для обсуждения вопроса о причинах реформы).

4.1.2. От бюрократической опричнины к государственным имуществам.

Классический тезис либерализма: государство есть орган обслуживания интересов и потребностей граждан – ложен и неприменим к истории России. Главный интерес русской власти – колонизация крестьян и огосударствление всех подданных. Для обоснования этого интереса использовалась мораль. Русские законы формулировались «по совести» – т.е. на основе морали. Чем более моральной была власть, тем она была хуже. Поэтому в России идея приоритета морали над политикой и наоборот имеет другой смысл, чем в Европе. Зато свободу в России можно было купить за деньги.

Реформа 1861 г. выразила уже сложившиеся властно-собственнические интересы. При Иване Грозном они привели к опричнине, при Петре – к бюрократической, при Александре-Освободителе – к экономической опричнине. Законодательное творчество русского правительства соответствует всем признакам бюрократического. На протяжении 300 лет государство трижды (Грозный, Петр I, Александр II) подрывало экономическую силу класса, на которую (согласно схемам советской и либеральной историографии) оно опиралось. Одновременно никто из русских дворян не соблюдал принципы христианской морали. Нет оснований полагать, что русская бюрократия по своим моральным принципам была выше.

Социальный смысл всей внутренней (экономической) политики власти заключался в ослаблении ее главного экономического соперника. Огосударствление – главная причина деполитизации русского дворянства. Отсюда вытекает правило: чем больше социальный слой (класс, группа) привязан к государственной телеге, тем больше его деполитизация. Перед реформой 1861 г. было проведено огосударствление жителей городов.

Таковы были предпосылки реформы 1861 года.

4.1.3. Реформа 1861 г. была просто новой Табелью о рангах. Ее социальный смысл состоял в ослаблении экономической и политической силы дворянства как главного соперника власти и усилении государственного контроля над крестьянами. С помощью реформы государство сломало экономическую силу

дворянства. Реформа не была реализацией стремления царского правительства попасть в ногу с прогрессом и вывести Россию на рельсы цивилизационного развития. Такая посылка образует суть современных цивилизационных и историографических теорий. Но она не дает возможности понять интересы политического класса России. Определение русского дворянства как главной опоры трона и резервуара государственных служащих фиксирует его второстепенные социальные свойства. Сущностная характеристика политического класса – это социальные интересы, которые реализует человек при вхождении в структуру власти, независимо от принадлежности к привилегированному экономическому классу. По мере вхождения он подчиняется ее правилам, главное из которых – укрепление собственного политического положения.

Реформа проведена для усиления власти на местах. Она еще более уравнила население страны перед властью и расширила сферу государственной регламентации. Реформа повторила Табель о рангах в новых обстоятельствах. Земские собрания (на которые уповали русские либералы) повторило главную характеристику Земского собора: законодательная власть полностью зависела от исполнительной. Земские собрания не могли выполнять свои решения без согласия исполнительной власти, а губернатор мог их просто отменить. Реформа самоуправления – следствие политико-бюрократической тенденции русской власти. Общее правило состоит в том, что никакая власть не отказывается добровольно от расширения сферы регуляции, а принуждается к такому отказу только под давлением гражданского сопротивления. Земства не ограничили права бюрократии и не увеличили права городской буржуазии и рабочих. Основное содержание реформы – рост контроля над крестьянами с помощью представительных учреждений.

Зато реформа 1861 г. позволяет постичь природу политических уступок. Госаппарат (ГА) России противодействовал введению всеобщего образования и парализовал инициативы земств в этой сфере, сводил к минимуму все уступки при ослаблении гражданского сопротивления, постоянно воздействовал на вершину политической иерархии и создал миф об абсолютной власти для маскировки собственных интересов¹⁰, заменил идею представительства в принцип передачи управленческих полномочий низовым органам, но это управление осуществлялось под надзором правительства. Одни бюрократические действия вызывали другие и потому всякая реформа увеличивала власть бюрократии. Решающая сила перехода к капитализму в России – материальные интересы ГА, а не буржуазии. В процессе перехода ГА осуществил еще большую нивелировку общества и расширил сферу властной регламентации. Возникающая русская буржуазия была новым социальным классом, созданным для опоры власти.

¹⁰ Напомню, что к мифу о *культе личности* русская/советская бюрократия всегда прибегала в кризисных ситуациях.

4.1.4. Есть две возможности решения проблемы выборы процедуры объяснения реформы 1861 г.:

1. Реформа была осуществлена потому, что русское общество уже состояло из класса властителей-собственников и класса собственников. Интерес первых заключался в элиминации вторых и этатизации экономики. Накануне и после реформы класс собственников раздваивался на землевладельцев и капиталистов. Государство поддерживало новый класс собственников исключительно для трансляции собственных интересов и ослабления прежних собственников.

2. Основная цель правительства России – укрепление ее международного положения; в период индустриализации международное положение страны зависит от ее промышленного развития, а последнее предполагает ликвидацию феодальных отношений; цель правительства после Крымской войны заключалась в сохранении статуса России как мировой державы; правительство осознало необходимость поддержки нового и ослабления старого класса, а также цивилизационную отсталость России по отношению к странам Запада; по этим причинам осуществлена аграрная реформа.

Какую из процедур объяснения избрать? Надо учитывать, что цивилизационные теории с момента появления служили для обоснования либеральных, социал-демократических и ленинских схем объяснения истории Европы и России. Эти теории более-менее поддерживали сциентистский миф о том, что существуют некие «чистые факты», не деформированные теорией, а государство является абсолютно положительной ценностью. Этот миф до сих пор успешно используется разными отрядами русской бюрократии и ее идеологической obsługi. Концепция власти-собственности позволяет подорвать сциентистско-этатистский миф и объяснить политическую историю России удовлетворительнее других историографических, философско-исторических и цивилизационных концепций. Этим объясняется мой выбор первой процедуры объяснения, хотя он нуждается в дальнейшем доказательстве.

5.1. Тема *государство как верховный учетчик и контролер* включает следующие проблемы: анализ марксистской и либеральной концепции степени экономического развития России; властно-экономический хищник; русская община: факты и теория; этатистская эрозия российского общества.

5.1.1. Проблема степени экономического развития России. Либеральные политики и историки полагают: промышленная и аграрная политика России на рубеже XIX-XX вв. свидетельствуют о переходе страны на фазу ускоренного развития капитализма. Но существует операциональные критерии измерения ускоренного развития экономики: быстрый рост ВВП; понижение доли продукции сельского хозяйства с 50-60% до 10-20% ВВП; повышение доли продукции промышленного производства до 40-50% ВВП; рост сектора услуг в национальном доходе¹¹. Применение данных критериев к исследованию развития России в указанный период свидетельствует: оно не подпадает ни под либеральную, ни

¹¹ Хотя критерий ВВП сомнителен, он до сих пор используется для анализа социальных трансформаций.

под марксистскую схему. Власть произвольно навязала схему развития стране, преследуя прежде всего свои интересы. И потому квалификация развития промышленности в России как «бурного» или «революционного» противоречит действительности. Проблему надо сформулировать иначе: если существовал цивилизационный разрыв между развитием промышленности и стагнацией сельского хозяйства, то кто главный виновник и одновременно транслятор такого разрыва?

5.1.2. Властно-экономический хищник. На протяжении всего периода после реформы 1861 г. до 1913 г. доходы русского государства росли за счет следующих источников: участие в капиталистических предприятиях; государственные налоги; монополия на табак и водку. Госсобственность на землю осталась нерушимой. Значит, после реформы государство оставалось самым зверским эксплуататором населения. Одновременно оно начало эксплуатировать и контролировать класс буржуазии, который создан государством еще до реформы. Новые собственники были вынуждены приспособливаться к навыкам «государственных мужей» России.

Существовали следующие формы связи власти и капитала в России:

- самый крупный в мире государственный сектор экономики (предприятия, отрасли хозяйства, банки);
- государственные заказы на производство определенных видов продукции способствовали развитию одних сфер производства за счет других;
- экономика удовлетворяла потребности власти и государства, а не рынка и граждан;
- государство участвовало в организации транспорта, больших предприятий, банков;
- переводило в состав госсобственности обанкротившиеся (близкие к банкротству) фирмы;
- свобода действия промышленных капиталистов в целом административно ограничивалась, но некоторые предприятия получали особые привилегии;
- госзаказы служили средством развития крупных предприятий;
- крупные предприятия и банки в больших масштабах финансировались из государственного бюджета;
- антикризисная деятельность государства и соучастие в образовании больших монополий;
- обмен чиновниками между госаппаратом и экономическими организациями;
- капитал контролировался государством.

Развитые страны Запада только в конце XX в. достигли такого состояния. Современные мыслители (например, Ю.Хабермас) определяют его как «самопрограммируемую циркуляцию власти». Россия инициировала эту циркуляцию в начале XX в., опередив Запад в переплетении политической власти с экономи-

ческой. Поддержка государством русской буржуазии на рубеже XIX-XX в. была параллельным своекорыстием.

Идеальный тип русского капитализма включает следующие свойства: переход госчиновников в аппарат промышленных предприятий; этот переход происходил прежде всего в столицах и включал в свой состав бюрократию, аристократию, лиц из царской семьи; обмен чиновниками вытекает из стремления обоих к богатству и образует ядро российского капитализма; укрепление связи власти-собственности за счет новых властителей-собственников; русская буржуазия – это новое издание прежних дворян-помещиков; главный интерес этого класса заключался в контроле общества путем одновременного применения политических и экономических средств; чиновники поддерживали интересы капиталистов против интересов помещиков; концентрация российского капитала и производства – результат стремления властителей-собственников к тотальному контролю; при размещении государственных заказов русское правительство руководствовалось прежде всего личными связями, а не экономическим расчетом. В этом контексте формировались и другие свойства русского капитализма.

Взятка была и остается государственной формой прибавочного продукта в иерархии «промышленная прибыль-торговая наценка-финансовый процент». Взятка – это та часть прибавочной стоимости, которая соответствует месту в иерархии власти, если от нее зависит возможность хозяйственной деятельности. Чем больше производитель и промышленник самостоятельны, тем меньше они тратят прибавочного продукта на взятки представителям власти. Если без разрешения последних хозяйственная деятельность невозможна, расширяется социальная база коррупции политико-управленческих элит. Коррупция в России не ограничивалась элитами, а затрагивала низшие уровни управления и социальные низы. В этом смысле она транслировала связи, характерные для азиатской системы дара.

Административные ограничения любой социальной деятельности связаны с применением законов – главного средства властителей-собственников. Последние распоряжаются законами по мере приоритета власти над законом. Ограничения «рациональны» с точки зрения властителей-собственников, поскольку они руководствуются соображениями максимальной власти, а не максимальной прибыли. Главный критерий экономической деятельности в России – наличие своих людей в аппарате власти. Такова специфика русского корпоративизма, лоббизма и тип управленца. Он был и остается следствием следующих процессов: на первом этапе происходила организация промышленников; затем они устанавливали контакты с госаппаратом; по мере развития контактов возникало представительство промышленников в структурах законодательной и исполнительной власти; но оно не выражало интересы промышленников, а стимулировало их оперативную реакцию на сигналы госаппарата. Тем самым система управления русской промышленностью начала воспроизводить государственную систему управления.

Русские властители-собственники начали вмешиваться в конъюнктурные, формационные и цивилизационные циклы раньше своих западных коллег. Развитие капитализма в России сформировало класс, который стремился одновременно к росту наживы и сферы социального контроля. Концентрация финансов и подчинение ей экономики – естественный способ вмешательства властителей-собственников в экономическую жизнь страны. Отсюда вытекает общее правило русского капитализма: чем больше участие государства в сфере производства, тем ниже ее экономическая эффективность.

Из правила вытекают два следствия: по мере вхождения любой сферы производства в орбиту влияния государства ее эффективность понижается; самой низкой экономической эффективностью отличаются сферы производства, целиком организованные государством. Примером могут служить картели и синдикаты царской России и деятельность ВПК в советской и современной России.

Реальная история капиталистических предприятий России – это подчинение экономики власти и навязывание экономике политических критериев. Так формировался класс властителей-собственников. Русская военная промышленность до революции предвосхитила будущее социалистическое общество в российском исполнении, в котором экономика целиком подчинялась власти. Русское государство всегда выражало интересы класса властителей-собственников. Он возник в результате слияния аппарата власти с капиталом. С политической точки зрения русская власть не выражала интересов всего общества, а с экономической – не выражала интересы класса собственников¹².

5.1.3. Русская община: факты и теория. При ликвидации общины государство руководствовалось двумя мотивами: развитие сельского хозяйства будет способствовать развитию промышленности и обеспечит больше прибыли для буржуазии; эти прибыли увеличат доходы членов аппарата власти. Из них вытекает главный социальный мотив: разрушение общины подчинит крестьян государственному контролю, поскольку они будут вырваны из своего социально-мировоззренческого мира, в который до сих пор власть не могла проникнуть. Главная цель столыпинской реформы – замена общины прямым подчинением госаппарату.

5.1.4. Этатистская эрозия российского общества. По мере укрепления капиталистического государства происходит этатистская эрозия экономики. Ее политическим следствием является тоталитаризм в его советской и фашистской модификациях. Целые столетия русская власть занималась угнетением и подавлением подданных в такой мере, которая неизвестна европейской цивилизации. Эта власть лишила русский народ возможности самостоятельно организовать свою жизнь и сформировала рабскую (холопскую) ментальность. Без нее невоз-

¹² Нетрудно понять, что идеальный тип русского капитализма можно построить и по принципу отрицания всех перечисленных реальных свойств для оценки прошлого, настоящего и будущего России, а также меры эффективности государственной политики. Такая процедура будет принципиально отличаться от веберовской методологии идеальных типов. Но данную проблему я здесь не рассматриваю.

можно было выжить. А затем *государственные мужи* из состава русских либералов и марксистов-ленинцев начали ссылаться на эту ментальность для легитимизации собственной власти.

Механизм русской конкуренции – это подмена принципа зарабатывания на основе деятельности другого человека принципом господства над этой деятельностью. Поэтому русское государство проскочило капитализм как стадию социального развития и уже в начале XX в. начало обгонять страны Запада. Первая догма ленинизма (по сравнению со странами Запада Россия была отсталой страной, главной социальной базой которой было крестьянство, а капитализм только развивался; господствующим классом России были помещики-дворяне, а их интересы выражало царское государство), повторяемая социал-демократами и либералами, ложная. Если бы в России велась только классовая борьба и не было класса властителей-собственников, то в стране не возник бы реальный социализм и Россия просто повторила бы путь развития других европейских стран.

3. Парадигма революционной власти

Политическое наследство России стимулировало несколько процессов: развитие экономики способствовало преобразованию феодальных властителей-собственников в капиталистических; рост госаппарата усиливал связь власти и собственности путем вмешательства в экономику; рост численности буржуазии, связанной с данным аппаратом. Эти процессы повлияли на Февральскую и Октябрьскую революцию и феномен отчуждения революции.

Эта крупная проблема распадается на ряд подчиненных: становление двойного класса; предпосылки закабаления граждан; революционные иллюзии; революция как предмет рефлексии.

3.1. Проблема *становления двойного класса* включает подпроблемы: суперклассовая структура и государственная экономика; интервенция и институционализация; мнимая альтернатива и действительные интересы.

3.1.1. Суперклассовая структура и государственная экономика. Накануне революции русское общество состояло из городского и сельского общества. Первое базировалось на системе распределения, второе – на иерархии и социальной изоляции. В капиталистическом секторе было легче обогатиться. Члены аппарата власти обычно стремятся укрепить политическое положение за счет движимого и недвижимого имущества, реального и символического капитала. В государственной экономике возможность экономической деятельности зависит от властных решений. Взятка в России (наряду с процентом и земельной рентой) стала новой формой прибавочной стоимости. Русские капиталисты находились в ситуации выбора: чем больше они стремились накопить капитала и имущества и чем меньше давать взятки, тем более высокое политическое положение должны были занимать – входить в аппарат власти или в «светские кру-

ги». Любой выбор снижал производительные и профессиональные способности бизнесмена.

На рубеже XIX-XX вв. в России сложилась суперклассовая структура, завершившая длительную традицию: в состав распорядителей средств насилия входили чисто авторитарный слой и класс властителей-собственников; в состав распорядителей производительными силами (капиталистов) входили класс властителей-собственников и чисто буржуазный слой. К чисто авторитарному слою принадлежали две группы: царь и его ближайшее окружение; часть бюрократической иерархии (Министерство Внутренних Дел и Военное Министерство), которая по роду занятий не имела доступа к решениям в сфере экономики. Зато в России полицейское и военное ведомство имели возможность влиять на цену государственной формы прибавочного продукта. Госаппарат в целом состоял из бездарных и коррумпированных чиновников. Механизм их отбора действовал на протяжении столетий, а взяточничество не имело равных на Западе. Обычно война увеличивает бюрократию. Во время войны класс властителей-собственников поглотил большую часть чистой буржуазии, количественно вырос и укрепил свое преимущество над другими слоями господствующих классов.

Основанные на переплетении власти-собственности системы кажутся сильными и непобедимыми. Но их слабость сразу обнаруживается при конфликте с системами, базирующимися на разделении власти и собственности. Пораженная структурами власти экономика обычно проигрывает экономике, которая диктует власти свои правила. Властитель-эксплуататор получает деньги за принятие экономических решений, выгодных для обычных эксплуататоров. Наиболее показательным примером в России является ВПК. Первая мировая война показала, что этатизация экономики и социальной жизни противостоит развитию техники (в том числе военной). Поэтому поражение России в войне было обусловлено не ее экономической отсталостью, а именно **опережением** других стран в соединении власти с собственностью.

3.1.2. Интервенция и институционализация. Государственная форма прибавочного продукта отличается от обычной прибыли экономическим бесплодием и сращиванием коммерческой и государственной тайны. Мотив социального контроля начала переплетаться с мотивом финансовым. Война увеличила количество и социальное положение властителей-собственников, к которым начали подключаться журналисты. Властители-собственники во время войны создали разветвленный аппарат военно-государственного управления экономикой. Этот класс увеличил государственное вмешательство в экономику с одновременным привлечением частной собственности. Госсобственность не является высшей ступенью исторического прогресса по сравнению с частной. Война усилила этатизацию экономики в самой этатизированной стране мира и институционализацию буржуазии. Государство создало военно-промышленные комитеты (ВПК) для управления экономикой, а в обществе были многочисленные общественные

организации (включая органы по самоуправлению промышленными предприятиями).

Отсюда вытекает общее правило: властитель-собственник наносит вред любой конкретной деятельности, включая само осуществление власти и управления.

В России до революции уже существовала не одна, а две бюрократии. Они начали сближаться, поскольку в основе обеих лежала связь власти и собственности. Русская буржуазия отреагировала на войну институционализацией собственной деятельности. Буржуазная бюрократия заимствовала все стандарты поведения у царской бюрократии.

3.1.3. Мнимая альтернатива и действительные интересы. Во время войны сложились тенденции этатизации и институционализации. Интересы русской буржуазии совпали с интересами царской бюрократии даже в сфере методологии социального познания и вытекающих из нее программ социального развития. Примером может быть либерально-бюрократические варианты социальной теории и практики (типа отношения между фактами и оценками).

Для оценки разных вариантов экономического национализма и национальных интересов поставлю вопрос: возможен ли вообще глубокий патриотизм наряду со страстью к наживе? Именно во время войны начала действовать громадная институциональная структура, вовлекающая в себя сотни тысяч людей. Причины ее создания не объясняются «любовью к Родине». Дело в том, что эта структура гребла деньги лопатой в своей собственной стране, жирела за счет собственного населения. Это противоречит патриотической трескотне, распространившейся во время войны. Значит, интересы возникшего в России двойного класса невозможно объяснить при помощи экономического детерминизма, обыденного здравого смысла, современных позитивистских и нормативистских теорий организации. Количественный рост бюрократии и организаций объясняется не их внутренней природой, а потому, что организаторы извлекают из этого экономический и политический капитал.

3.2. Теперь рассмотрим *предпосылки закабаления граждан*. Русская буржуазия выиграла от институционализации экономики и общественной жизни. Вслед за бюрократией она приобрела деньги и власть. Для буржуазии власть становилась менее инструментальной и более самостоятельной ценностью, а для госаппарата – более инструментальной и менее самостоятельной ценностью. Но оба пути социального продвижения не были связаны с соблюдением прав и законов на каждом начальственном месте. Соединение чина с собственностью – типичная форма русской власти. Русская буржуазия пошла по этому пути. Она начала во время войны создавать единую организационную структуру, которая охватила все российское общество. Эта структура давала ее творцам и участникам деньги и власть одновременно. Власть стала знаком собственности, а собственность давала возможность власти. Для полного симбиоза властителей с собственниками надо было устранить чисто авторитарный слой

госаппарата (руководствующийся только властными мотивами) и чисто капиталистический слой буржуазии (руководствующийся только экономическими интересами). Первый процесс завершился в Феврале, второй начался в октябре 1917 г.

3.2.1. Милитаризация труда. После катастрофы первых месяцев войны производство вооружения было переброшено из казенных предприятий в частные. Благодаря этому вооружение и снабжение армии улучшилось без всякой милитаризации труда. Система принудительного труда распространилась в то время, когда положение на фронте ухудшилось. Главная причина этого явления – появление властителей-собственников из состава госаппарата и буржуазии. Милитаризация труда ускорила этот процесс. Члены этого класса стремились максимизировать доходы и власть **одновременно** и постепенно отделялись от чисто авторитарных властителей и чисто капиталистических собственников. Милитаризация труда направлялась против чисто капиталистических собственников и против рабочих. Властители-собственники расширяли контроль над неохваченными сферами социальной жизни. Ломали сопротивление традиционных собственников с опорой на институциональную структуру, которая еще до революции начала пожирать социальные ткани российского общества. Эта структура предвосхитила русский социализм. Одновременно гражданское сопротивление властно-собственному симбиозу еще до революции показало неорганичность русского государства.

3.2.2. Положение царя и социальный хаос. Полное господство бюрократии в России началось в период первой мировой войны. Для этого она использовала институциональные структуры, возникшие в результате инициативы снизу. Эти люди ежедневно принимали решения о промышленных объединениях фабрик и заводов России и переходе их под контроль государства. Бюрократия столкнула традиционных собственников на вторые роли. От нее начинала зависеть любая деятельность во всех сферах экономики, поскольку она располагала громадными суммами денег. Всеобщий интерес заседающего в созданных во время войны конторах класса был тождествен интересу традиционных властителей: поставить в зависимость от себя как можно большее число людей, постоянно демонстрировать свое социальное присутствие и силу, расширять формальные действия в обратной пропорции от умения содержательно действовать. Этот всеобщий интерес переплетался со специфическим интересом русской власти – распространение власти на производителей и потребителей одновременно. Обе группы граждан оказывались в зависимости от власти.

Царская Россия – первая капиталистическая страна, в которой сформировался властно-собственнический класс. В этом смысле она действительно опередила страны Запада, в которых экономика, техника и технология были более развиты, чем в России. Одновременно Россия была (и остается) первой страной, которая обрела опыт слабости мнимо-всесильной системы власти. Этим опытом она не воспользовалась на протяжении всего XX в. Дело в том,

что марксисты и либералы объясняли данный опыт как следствие экономической и технико-технологической отсталости России. Этим объясняется популярность в нынешней России теории модернизации в ее различных версиях. Все они более-менее пренебрегают данным опытом.

3.2.3. Либеральные воры и их политические представители. Главная причина кризиса снабжения накануне Февральской революции – этатизация и институционализации экономики, а социальная функция голода обусловлена интересами властителей-собственников. Этот класс формировался из либеральной бюрократии и буржуазии. Под прикрытием патриотических лозунгов он с самого начала делал ставку на авторитарную власть, подчинил бюрократическому комплексу все наличные организационные структуры и постоянно создавал новые (типа Прогрессивного блока). Такова специфика русского либерализма.

3.2.4. Как падала царская корона. Либеральные черви в интересах нового класса всю пожирала Россию, включая ее государственный и общественный аппарат, и сожрали царя – вершину власти. Этот класс контролировал огромный госаппарат и большую часть экономики. Специфика русского либерализма – акцент на необходимость авторитарной власти при одновременном отсутствии строгой идеологии и программы действий. Из-за политической бездарности либералы не смогли планировать голод. Зато они предвосхитили методы социального действия большевиков, предоставляя событиям (до поры до времени) развиваться своим чередом. Деятельность русского либерально-бюрократического комплекса – эталон и идеал политической деятельности либералов: вначале комплекс пожирает экономику и приводит ее в состояние разрухи; затем ответственность за собственные действия перебрасывает на вершину иерархии; это вызывает раздражение всего общества; вершина иерархии падает, а новые властители-собственники моментально занимают освободившиеся должности. Связь власти и собственности «протолкнула» Россию через капитализм к социализму.

3.3. При анализе *революционных иллюзий* надо учитывать, что после Февраля 1917 г. Россия вступает в период, над которым все больше клубится идеологический туман. Чем больше действительное развитие России отклонялось от постулатов марксизма, тем больше последний в его ленинско-сталинской и националистической интерпретации выполнял роль идеологии.

3.3.1. Идеологический туман и всеобщая регламентация экономики и общественной жизни. Идеологический туман базируется на одном и том же убеждении: настоящая (будущая) революция имеет (будет иметь) характер буржуазной. Это убеждение вытекает из догмы: царская Россия – отсталая страна с точки зрения уровня социального развития. Данная догма характерна для либерализма, социал-демократизма и ленинизма. Все они рассматривают материальные интересы людей как главный фактор социального развития или базис

иерархии фактов и ценностей и не учитывают переплетение власти с собственностью. В этом смысле Россия не отставала, а опережала страны Запада.

Февральская революция ликвидировала чисто авторитарный слой. После революции государство усилилось, а не ослабло, поскольку завершился процесс переплетения власти с собственностью. Об этом свидетельствует экономическая политика Временного Правительства, прежде всего монополизация сбыта товаров и установление твердых цен. Буржуазное правительство проводило антибуржуазную политику, поскольку государственная монополия на товары уменьшала прибыль определенной категории капиталистов. Только слабость Временного Правительства не позволила ввести всеобщую государственную монополию на все товары. Следовательно, возникшее после Февральской революции государство было протосоциалистическим, поскольку оно связывало власть с собственностью и стремилось подчинить экономику государственной власти. Попытки планирования народного хозяйства осуществлялись до Февральской революции, а после нее стали тенденцией. Временное правительство увеличило налоги (подходный, с оборота и т.д.) и вело регулярную экономическую войну с остатками чистой буржуазии. В этом смысле советское государство – законный наследник Временного правительства. Основание действий того и другого – материальные интересы людей, одновременно удовлетворяющих своекорыстие и властолюбие. Пренебрежение данной связью свидетельствует о том, что ложь одинаково присуща либеральным, социал-демократическим и ленинским концепциям.

3.3.2. Политическая ложь и возможность антибюрократических действий.

Временное правительство и Советы выражали типичную для России тенденцию властно-экономического контроля общества. Эта тенденция выразилась в общей схеме правительственных действий: вначале властители-собственники устранили различие между реальным и формальным выражением соотношения сил в госаппарате; затем установили контроль над аппаратом насилия (МВД, армия) и аппаратом управления экономикой; после этого происходит рост и укрепление господства над всеми гражданами; для этого могут использоваться два способа: насилие и голод; второй метод – следствие ранее установленного государственного контроля экономики; после этого власть одновременно комбинирует разные пропорции насилия и голода.

Госаппарат России никогда не выражал интересы граждан и не заботился об «общем благе». Его интерес концентрировался на власти и деньгах. Эти ценности до сих пор претендуют на универсальность. Поэтому подлинный либерализм, демократизм и социализм состоит в борьбе с властью и деньгами одновременно. Однако русские либералы, меньшевики и социалисты предали социализм как ценность в пользу социализма как необходимости. А русский госаппарат всегда претендовал на ранг носителя такой «необходимости». Ее природа в том, что в России государство всегда хотело оставаться исключительным собственником.

Временное правительство вело политику в двух направлениях: ослабление буржуазии путем лишения ее новых источников дохода; раскол масс, спонтанно создававших органы контроля за властителями-собственниками. Массы были вынуждены тратить время на удовлетворение элементарных нужд. Поэтому не могли генерировать такой потенциал социальной инициативы, которая нужна для превращения населения в постоянную угрозу бюрократии. Эту возможность Временное правительство успешно блокировало в городе.

3.3.3. Консервация аграрных отношений и расширение социальной базы революционной власти. Временное правительство стремилось нейтрализовать деревню за счет поддержки существующих аграрных отношений и социального неравенства деревни. В период от февраля до октября 1917 г. оно вело одновременно внешнюю и внутреннюю войну. Это вызвало ослабление государства и увеличило крестьянские выступления. Данное государство тоже не отражало интересы народа. Февральская революция осуществлена в интересах аппарата власти, который проводил политику в двух направлениях: стремился отрезать систему советов от народных масс и втянуть членов советов в бюрократический процесс управления страной.

Вовлечение ведущих деятелей социалистических партий в управление страной объясняется тем, что аппарат данных партий получил от этого выгоду. Переплетение аппаратов данных партий с частью бюрократического аппарата и частью буржуазного аппарата начался задолго до Февральской революции. Тем самым властители-собственники имели в распоряжении властно-бюрократические, либерально-буржуазные и социалистические элементы. Советы тоже были поглощены властителями-собственниками. В обмен на включение партийных деятелей в аппарат власти партийные аппараты изменили программы социалистических партий и устранили из Советов революционно-гражданскую составляющую. В результате идея социализма толковалась так, что она обосновывала и рационализировала одновременный контроль политики и экономики. В России 1917 г. не было социальной силы, которая смогла бы противостоять классу властителей-собственников и разорвать связь власти и собственности – основной принцип организации общества в России. Эта возможность осталась нереализованной, а социальная структура данной связи была сохранена и перенесена в новые условия.

4. Проблема *анализа Октябрьской революции* является предметом столетних разговоров. До сих пор большинство оттенков политической мысли рассматривало эту революцию как начало новой социалистической формации (социально-экономической). Тогда как цивилизационный подход просто вливает старое вино в новые мехи. Взамен я предлагаю другой набор проблем.

4.1.1. Одна или две революции? Если либералы признают регулируемую роль государства в отношении общества, падает различие между ними и социалистами. Все они в разной степени (это различие количественное и не имеет существенного значения) не свободны от культа государства и связанных с ним

противоречий политического мышления, типичных для консерватизма. Тем самым консервативная составляющая входит в структуру либерального и социалистического мышления. Государство и общество (отношение между ними) воспринимается через призму «порядка» как главной ценности. Поэтому ни один из типов политического мышления не в состоянии сделать проблему соотношения фактов и ценностей центральной (подумать).

По отношению к истории и нынешнему состоянию России это означает пренебрежение или одобрение связи власти и собственности как «естественного», «необходимого», «объективного» «единственно возможного» факта и тенденции русской жизни. Ни один тип политического мышления не ставит задачу разрыва связи власти и собственности как центральную проблему практической политики и динамики России.

Судить об этом можно на основе сравнительного анализа национальных типов революционности. Любую стратегию любой политической партии кто-то должен выдумать, а затем склонить партию к ее применению. Последняя задача значительно сложнее. Особенно в том случае, если естественное стремление к власти толкает партию в другом направлении. Именно так обстояло дело в случае с РСДРП(б). После Февральской революции она ничуть не меньше других социалистических партий стремилась попасть в аппарат власти, поддержать Временное правительство и таким образом обрести политический вес и влияние. Об этом свидетельствует факт цензуры в «Правде» ленинских «Писем из далека». В них Ленин первоначально сформулировал тезис о буржуазном характере Временного правительства. Редакция «Правды» не только изъяла те части текста, в которых формулировался данный тезис и выдвигался лозунг «Никакой поддержки Временному правительству» со стороны революционного пролетариата, но и осуществила редакционные поправки в опубликованных частях. Поправки заключались в изъятии фамилий членов Временного правительства и поддерживающих его социалистов.

Иначе говоря, при отсутствии вождя среди большевиков господствовало естественное желание войти в возникающую систему правления. Ленин сразу выступил против этого. И только его авторитет стал препятствием объединения большевиков с другими социалистическими партиями. В этом убеждает тот факт, что на Всероссийской конференции РСДРП(б), в которой участвовало 120 членов партии, Сталину с большим трудом (большинством в четыре голоса) удалось устранить из текста резолюции пункт, выражающий поддержку Временному правительству. Позиция самого Сталина заключалась в выжидании иного момента, когда Временное правительство исчерпает свои силы и дискредитирует себя в ходе реализации революционной программы.

Нетрудно убедиться, что в условиях нормальной борьбы за власть грузину Джугашвили было далеко до русского Ульянова. Грузинский политик-революционер подходил к делу просто: Временное правительство реализует ту же программу, под которой и мы подписываемся; но если ему не удастся ее реализо-

вать, то мы получим большие политические дивиденды, поскольку сразу его не поддержали. Русский политик-революционер был хитрее грузинского. Ленин заслонил простодушие Сталина мастерски. Для этого он выдумал целую доктрину о «перерастании буржуазной революции в социалистическую», а затем нашел поддержку для нее в укладе социальных сил, вытекающих из внутренней войны с русским обществом, которую вело Временное правительство.

Если воспользоваться словами Макса Вебера, русский революционер был «политическим виртуозом». Грузинский революционер просто выражал естественное желание партийной массы как можно скорее попользоваться хоть частью власти. Русскому революционеру куска власти было недостаточно, он хотел захватить ее в исключительное пользование. Для этого ему пришлось увлечь за собой всю партию. Но сделать это было непросто. Большинству русских революционеров куска власти вполне хватало. И мираж немедленного участия в ней был настолько силен и заманчив, что идея нового объединения с меньшевиками пользовалась большой популярностью в большевистской партии. По инициативе меньшевиков на 4 апреля было назначено объединенное заседание большевиков и меньшевиков, на котором предполагалось принять решение об объединительном съезде обеих партий. Едва приехав в Россию, Ленин сразу выступил против участия большевиков в заседании. Однако большинство большевиков решило участвовать в нем, и Ленин тоже вынужден был явиться. С громадным трудом ему удалось сорвать заседание. Из 50 большевистских делегатов зал заседания покинули вместе с Лениным 30 человек. Партия была накануне раскола. И все же в ближайшие недели Ленину удалось склонить партию принять его стратегию. Затем события показали, что он был прав.

Смысл этой правоты первоначально был изложен в телеграмме большевикам, отъезжающим в Россию: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями»¹³[2]. Ее трудно было понять партии, стремящейся к участию во власти. Однако Ленин был выдающимся русским революционным политиком, убежденным в том, что борьба с Временным правительством принесет партии большую власть, нежели союз с ним. На чем базировалось это убеждение и почему партия поверила Ленину?

Дело в том, что ленинская доктрина двух революций позволяла обосновать один из главных политических мифов советского государства и общества: независимо от последующих событий начало советской власти вытекает из действительной воли народа. Как известно, представление о «начале» – главный и исходный элемент мифологического мышления, идеологических рационализаций и определенного нормативно-ценностного порядка. В этом смысле либеральная

¹³ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.31, с.7

и марксистская концепция прогресса могут использоваться для легитимизации любой власти.

4.1.2. Политические чудеса. Советы стали началом социальной бюрократии. Акцент на технику движения выражал не личные пристрастия большевиков, а предпочтение технологии власти ее идеологическому обоснованию еще до взятия власти. Партия становилась совокупностью организаций, а не множеством индивидов с единой программой, стремящихся к ее реализации. Этатизм стал главным элементом организации большевистской партии еще до того, как она взяла власть. Идея рабочего контроля заимствована Лениным у военно-промышленных комитетов и Временного Правительства. Этот контроль должен быть тотальным на уровнях отдельных предприятий и страны в целом и осуществляться всеми организациями, включая политические партии. Социальный смысл постулата всеобщего контроля: чем большее число предприятий находится под рабочим контролем, который уже контролировался партией, тем большее число экономических решений перейдет в руки партии и будет изъято у государства и частных собственников. В итоге партия станет контролером экономики. Большевики идеологически санкционировали анархистские элементы гражданского сопротивления, становясь вначале руководителями, затем участниками и наконец единственными субъектами рабочего контроля.

Советы были второй властью. Они возникли в результате сопротивления народных низов концентрации и централизации насилия и собственности на вершине власти. В итоге революции русский властно-собственнический комплекс выполз из трехсотлетней кожи. Политический смысл лозунга «Вся власть Советам» – организация с помощью масс нового тоталитарного государства в старом. Социалистические партии предали интересы рабочих и крестьян во имя учреждений и должностей. Любая партия так толкует исходную идеологию и программу, чтобы за счет толкования захватить учреждения и должности для кадров своей партии. Лозунг «Земля крестьянам» имеет два исторических и политических смысла: 1. Стремление большевиков ослабить бюрократический комплекс, затрудняя политику изоляции деревни. 2. Действительный смысл состоял в трансляции древней российской традиции: земля принадлежит государству. Смысл лозунга «Мир народам»: солдаты были готовы поддержать любую партию и правительство, которые выдвинут лозунг мира.

4.1.3. Рождение тройного класса. Ленинская программа социалистической революции и связанные с ней лозунги объясняется тем, что Ленин сделал ставку не на борьбу экономических классов России, а на происходящие в ней социальные процессы, которые были следствием реакции народа на действия властно-собственнического комплекса. Эта программа выражала стремление к организационному господству над социальными процессами, вызванными действиями властителей-собственников. В результате в идеологию партии вошел исторический и политический идеализм. Идея о том, что громадное количество людей сможет добровольно отказаться от привилегий, связанных с рас-

поражением средствами насилия и производительными силами – вершина исторического, социологического и политического идеализма. В результате концепция власти как волевого отношения (со всеми ее практическими и теоретическими следствиями) вошла в политическое действие русских коммунистов. Исторический и социологический идеализм Ленина и других вождей большевистской партии был идеологической модификацией, бездарно привязанной к экономической интерпретации политики.

Идеологическая мистификация действительных интересов большой организации может быть проиллюстрирована сравнительным анализом идеальных типов чистой власти и власти-собственности.

Интерес чистой власти, не основанной на собственности, заключается в осознании поддержки власти со стороны граждан, если даже они не считаются ее источником. При этом часть граждан (собственники) располагают независимым от власти источником социальной силы, а остальные (непосредственные производители материальных и духовных ценностей) создают определенный минимум для защиты от власти в собственных интересах. Чистый властитель должен заботиться хотя бы о пассивной поддержке со стороны граждан, поскольку они от него независимы экономически. Но такая схема власти неприменима к интересам русской власти.

Русский властитель-собственник находился в иной ситуации, так как граждане на протяжении всей русской истории, начиная со времен Ивана Грозного, постепенно теряли независимые от власти источники существования. Русские властители-собственники не должны были заботиться о собственной поддержке со стороны подданных, хотя она бы им не помешала. Тогда как русско-советский или советско-русский (под термин «русский» в данном случае подводятся все нации и народности, находящиеся в составе Российской империи и Советского государства) властитель-собственник-жрец (идеолог) не должен был заботиться о поддержке со стороны подданных-собственников-верпоподданных, ибо такая поддержка для него была вредной. Русско-советский и советско-русский властитель-собственник-жрец сам был и остается единственным основанием своей физической, экономической и духовной власти. Если подданные отваживались поддерживать этого «тройного» господина (по причине «усердия не по разуму», «преданности коммунистической идее», «патриотизма» и т. п.), то это означало, что они считали свою волю значимой для властителя. А такая мысль для «тройного» господина опасна, потому что она ограничивает его власть. Поэтому русско-советские и советско-русские властители-собственники-жрецы не только не заботились о поддержке со стороны подданных, но манифестировали им же свое собственное пренебрежение и презрение. Идеальный властитель, сложившийся в условиях Российской империи и Советского государства, всегда мог сказать: «Даже в вашей поддержке я не нуждаюсь, вы – лишь предметы моих действий, которые сами себя легитимизируют».

Таким образом, интерес власти, переплетенной с собственностью и духовным господством, состоит в презрении ко всем, кто зависит от нее в сферах экономики, политики и духа. Так сложилась система троевластия.

Этот момент важен для оценки теорий модернизации. Непонимание качественного различия между классовым обществом и системой троевластия обычно ведет к тому, что вся совокупность экономических программ коммунистов рассматривается как продолжение более ранних программ модернизации России, восходящих прежде всего к Петру I. И ранее и теперь, и в нашей стране и за рубежом многие ученые и политики считают, что сталинская программа индустриализации существенно не отличалась от целей его царских предшественников, поскольку и русские цари, и коммунисты хотели преодолеть традиционную отсталость России и обеспечить ее независимость от внешнего мира.

Такой взгляд совершенно не учитывает, что социальные функции индустриализации в системе троевластия были связаны с усилением и развитием до самых крайних пределов экономического, политического и идеологического отчуждения. Акцент только на экономическую сторону данного процесса, присущ как марксистской, так и либеральной историографии: «Запоздание промышленной революции в России несет ответственность за политическую революцию, в ходе которой власть перешла в руки диктаторского правительства. Такое правительство может удержаться у власти лишь тогда, если сможет убедить людей в том, что оно выполняет важные социальные функции, которые без него не могут быть реализованными»¹⁴.

Однако на протяжении почти всего XX в. «такое правительство» совершенно не нуждалось в выработке указанного убеждения на основании производства тракторов и паровозов, комбайнов и самолетов. Значительно более эффективным средством его выработки был террор. Именно в результате массового применения террора советские граждане вынуждены были наперегонки манифестировать свое абсолютное подчинение, включая убеждение об «исторической неизбежности» коммунистической системы троевластия. Нельзя считать такое убеждение неискренним, потому что неискренность убеждений при Сталине вообще не давала шансов на выживание, а после Сталина принуждала к чисто вегетативному существованию. Тот факт, что данное убеждение было обусловлено монополией экономического, политического и духовного насилия, не дает оснований его игнорировать. Конечно, сила есть грубый и малопрятный факт. Зато изменения, которые она вызвала в психике советских людей нескольких поколений, весьма тонкие и загадочные. Невозможно утверждать, что сегодня они до конца понятны. В то же время эффекты систематического применения силы могут исчезать очень быстро, под влиянием революционных изменений. История царской России и Советского Союза может рассматриваться как резервуар фактов в подтверждение того и другого вывода.

¹⁴ Black C. The Transformation of Russian Society. Cambridge, 1960, p. 28

Таким образом, система троевластия сложилась раньше модернизации, и потому ее социальные функции были связаны с усилением и развитием до крайних пределов экономического, политического и идеологического отчуждения. Ленинцы, социал-демократы и либералы не учитывают этого момента.

4. Резюме: на пути к троевластию

В момент осуществления Октябрьского переворота духовное закабаление всего населения бывшей Российской империи было делом уже недалекого будущего. Все еще выходили газеты других партий. Русская интеллигенция была еще далека от марксизма в его ленинско-сталинской версии. Большинство народа находилось под влиянием православной церкви. Чтобы партия большевиков могла монополизировать функцию жреца-идеолога и соединить ее с властно-собственническими функциями, она вынуждена была немало потрудиться. Эта работа не прекращалась на всем протяжении существования советской власти, а наследники большевиков из либерального, социалистического и консервативного лагеря ведут ее и сегодня.

В октябре 1917 г. партия взяла бразды правления страной в свои руки из рук представителей бюрократического комплекса. Начался процесс социального, а затем физического устранения и уничтожения класса властителей-собственников, который образовывался на протяжении нескольких десятилетий развития государственного капитализма в России. Прежние властители-собственники частично рекрутировались из государственного аппарата или из буржуазии. На их место пришли новые «государственные мужи» из рабочих и солдатских организаций. Они тоже были властителями-собственниками, так как продолжили тот же самый процесс контроля над силами принуждения и производительными силами. Правда, «красные дворяне и вахлаки», если воспользоваться метафорой А. Платонова, были чужды «белоручкам» с точки зрения социального происхождения, а идеологический туман затемнял их действительную роль. Но это способствовало еще большей жестокости в применении к русскому пароду и обществу сильнодействующих методов.

Персональный состав класса властителей-собственников менялся, места «белых воротничков» занимали последовательно «кожанки», «синией блузы», «толстовки», «сталинки» и, наконец, обычные пиджаки. Однако социально-политическая структура России оставалась нерушимой. Новые господа по-прежнему аккумулировали власть и собственность, хотя и более успешно, будучи генетически связанными с социальными низами. Но в истории России подобный процесс мало что изменил, а в истории русской власти не изменил ничего. Благодаря большевикам история развивалась в том же самом направлении концентрации власти и собственности в одних руках. Правда, теперь эти руки остервенело писали, что народные массы принимают ключевые политические и

экономические решения, что они руководят страной, а завтра будут руководить всем миром.

Следовательно, Октябрьская революция не вела от капитализма к социализму как общественному строю, основанному на началах справедливости. Русское общество, в котором она совершалась, уже не было капиталистическим ни в марксовом, ни в веберовском смысле слова. Это общество было переходной и достаточно развитой формой на пути к тоталитарному обществу. Оно состояло из двойных классов – властителей-собственников и подданных – непосредственных производителей. Это было классовое общество в квадрате, однако данный факт экономической и социальной жизни марксова теория успешно маскировала и потому стала его идеологией.

Октябрьская революция не вела сразу к реальному социализму как к системе троевластия. Русско-советские властители-собственники не могли в один прием связать свои жреческо-идеологические функции с властью и собственностью. Этот процесс был длительным и после Октября 1917 г. делал только первые, несмелые шаги. Поскольку эта революция не изменила социальную структуру, она не была также межформационным переломом. Причем персональные изменения в социальной структуре стали возможны лишь потому, что предшественники новых властителей-собственников своей политикой вызвали гражданское сопротивление русского народа и всех других народов, населяющих Российскую империю. Но это сопротивление умело направлялось и контролировалось новой государственной структурой. Без такого гражданского сопротивления рабочих, крестьянских и солдатских масс Ленин со своим политическим именем и большевики со своими организационными способностями и самоотверженностью в действиях не сделали бы ничего. Да и так они сделали немного: одних помещиков заменили другими – и только!

Иначе говоря, Октябрьская революция была процессом гражданского сопротивления русского общества социал-либеральной власти, конечным этапом которого стал большевистский переворот. Изолировать эти процессы и события невозможно, ибо в противном случае нельзя объяснить победу большевиков в гражданской войне и всеобщую ненависть русского народа к прошлым «кадетам» и нынешним «либералам» и «демократам». Однако такая изоляция постоянно встречается в исторической и политической литературе. Прошлые и нынешние сторонники «умеренного» или «демократического» социализма пренебрегают этим неудобным фактом – именно социал-либеральная политика вызвала бунт рабоче-крестьянских масс, которым умело воспользовались большевики.

Чем же был революционный процесс в России в XX в.? Почему его хотят забыть представители почти всех направлений современной политической мысли России? Он был выражением гражданского сопротивления масс существующей русской власти. После любых восстаний и революций на некоторое время происходит уменьшение политического и гражданского отчуждения. Новая

власть пытается в определенной мере удовлетворить ожидания и потребности масс. Так было и в данном случае. Первый декрет советской власти дал землю крестьянам, в результате чего 150 млн десятин земли перешло в их распоряжение. Достаточно сравнить эту цифру с делящейся более полувека царской аграрной реформой и нерешительной аграрной политикой «умеренных» социалистических партий, чтобы понять причины победы большевиков в гражданской войне. В этой войне против них выступили все силы царской России вместе с силами «умеренного» социализма. Массы пошли за большевиками, потому что первоначально их политика была наиболее близкой интересам и чувствам большинства русских людей. Из-за этого «десять дней» действительно потрясли мир. Русская революция на целые десятилетия стала источником вдохновения художественного авангарда Запада. А почти все цепное в художественной культуре великого русского народа в XX в. связано с первыми годами и десятилетиями после революции и ее импульсом.

Однако Февральская и Октябрьская революции незаметно надели на русский народ кандалы и наручники, в результате чего первичное гражданское сопротивление своей чужой власти было опутано по рукам и ногам. Первичные уступки массам были сведены на нет все более усиливающимся бюрократическим комплексом. Спустя полгода с небольшим после октября 1917 г. те же самые крестьяне, которые получили землю, были подвергнуты первому давлению аппарата, которое по ошибке или недоразумению (злой умысел тоже нельзя исключать) нарекли «военным коммунизмом». Десять лет спустя землю у крестьян отобрали, ее властителем-собственником стал партийный аппарат. Как назвать поворот от революционной анархии к диктатуре? К сожалению, пока не выработано надежное теоретическое понятие для описания этого процесса. Воспользуемся пока метафорой «политические кандалы и наручники», к которым вскоре добавились и духовные.

В русском языке есть слово «сволочь». Оно означает аркан, который татары набрасывали на толпу наших предков перед их уводом в плен. Из романов Н. Лескова можно узнать, что таким же арканом пользовались русские помещики при переселении крепостных на новые земли. Действительно, русское государство долго вило аркан переплетения власти и собственности для русского народа. Февральская революция закрепила систему двоевластия. Октябрьская революция открыла перспективу троевластия, и такую перспективу коммунисты успешно использовали. Здесь они тоже никакой Америки не открывали – достаточно вспомнить систему троевластия иезуитов в Парагвае или государство ордена крестоносцев, недалеко отстоящее от системы троевластия. Коммунисты начали использовать все три источника социального могущества. Данный процесс уже был слабо связан с идеологическим содержанием марксизма. Наоборот, идея борьбы с эксплуатацией в интересах угнетенных масс составляла определенную угрозу для новой власти (достаточно вспомнить «рабочую оппозицию» и реакцию Ленина на нее). Правда, и эта опасность была незначи-

тельной. Идея любви к ближнему тоже была помехой в стремлении церкви к тотальной власти, однако духовные отцы ее умело обошли и обходят до сих пор. М. Вебер показал, что всякая идеология первоначально стремится изменить мир. Но едва эта цель связывается с материальными интересами ее пропагандистов и распространителей (жреческим сословием или идеологическим аппаратом), начинается процесс ее приспособления к существующим социальным и политическим отношениям. Вообще говоря, влияние идеологий на интересы незначительно. В случае конфликта между ними за дверь выбрасываются всегда идеологии. Подтверждением истинности данного тезиса является тот факт, что та же самая судьба постигла марксизм.

Итак, Октябрьская революция была выражением действительного гражданского сопротивления русского народа социал-либеральным властителям-собственникам. Этот процесс нарастал на протяжении всего 1917 г., хотя гражданское сопротивление было слепым. Оно сразу начало опутываться теми, кто хотел «вышибить из седла» прежних властителей-собственников и занять их место. Тем не менее русский народ воспротивился связи власти и собственности. Четыре года спустя этот процесс привел к восстанию матросов и рабочих Кронштадта. Все восстания против советской власти, вплоть до событий в Новочеркасске (1962 г.), могут рассматриваться как ею развитие. После второй мировой войны тенденция усилилась в странах-сателлитах СССР: Берлин (1953 г.), Будапешт и Познань (1956 г.), Чехословакия (1968 г.), польское побережье Балтийского моря (1970 г., 1980-1981 гг.). Поэтому сравнивать революции в Югославии, Китае, во Вьетнаме и на Кубе с Октябрьской революцией нельзя. Их родоначальником была Февральская революция в России.

В октябре 1917 г. большевики направили гражданское сопротивление русского народа своей чужой власти в иное русло. Результат получился абсолютно противоположным. Октябрьская революция была началом новой цепи исторических и политических событий – народных движений против фашистского насилия и эксплуатации, а затем против социалистического насилия, эксплуатации и духовного господства. Февральская революция стала родоначальником ряда социалистических революций. Октябрьский переворот открыл ряд революций, направленных против социализма.

Смогло ли руководство России выступить во главе процесса разрыва связи власти и собственности или же события последних лет просто возрождают связи, уже накопленные в русской истории? Напомню, что революция не изменила социально-политическую структуру страны. Новые господа попрежнему аккумулировали власть и собственность, хотя делали это более успешно, поскольку генетически были связаны с социальными низами. Революционный процесс в России XX в. был выражением гражданского сопротивления масс существующей русской власти. Это сопротивление потерпело поражение. Поэтому своя власть по-прежнему остается чужой. Россия пока не смогла стать во главе процесса разрыва власти и собственности.

Не менее важно то, что в современных социальных науках произошла реабилитация понятия «идеология», а концепция отчуждения оказалась почти позабытой. Теоретическая и политическая проблема состоит в следующем: как культивировать политическую ментальность, которая будет способствовать разрыву с указанными стереотипами мысли и действия?